

ЗА БОРТОМ РОДИНЫ

повесть

Людмила БАСОВА

г. Владимир

Машина довезла Алишера почти до самого блиндажа, где окопалась чеченская группа разведки, и тут же, развернувшись, уехала. Ему осталось только пройти вверх по узкой тропинке метров двести. О его приезде бандиты были проинформированы по радиации, зато самого Алишера встреча с ними озадачила. Отправляя его в Чечню, Эсса пояснил: «Там трое наших ребят». Пошутил: группа интернациональная — чеченец, турок и дагестанец. Все трое прошли огонь и воду. «И хотя двое из них наймиты, — впрочем, как и ты, — добавил он, — положиться на них можно. Таким терять нечего».

В блиндаже, однако, находились четверо мужчин и мальчик лет четырёх, что было совсем неожиданно. Тех троих Алишер определил сразу: чеченец, как большинство из них, чисто говорил на русском, дагестанец — с акцентом, а турок — совсем плохо. Четвёртый сидел у входа в блиндаж — в углу, куда почти не доходил свет керосиновой лампы. Лицо его было изуродовано, и Алишер не сразу разглядел, что вместо одного глаза у него пустая глазница и вывернутое красное веко. Что-то знакомое померещилось ему в этом странном человеке, но как ни напрягал память, вспомнить его не смог. А ведь забыть такое невозможно. Значит, когда он видел этого человека, лицо у него было другое. Надо бы вспомнить... Заметив пристальный взгляд Алишера, боевик выскользнул из блиндажа.

— Эсса вроде бы сказал, что вас трое. Кто четвёртый? И как сюда попал ребёнок? — обратился Алишер к чеченцу Асланбеку.

Тот не успел ответить. Вместо него зататорил турок:

— Это шайтан, настоящий шайтан!.. Ему полковник нужен, убить его хочет... Он всех русских убивает, особенно если милиционер... Мальчика он привёл... Шайтан... Уйдёт, придёт...

— Ты деньги привёз? — Асланбек, перебив турка, обратился к Алишеру.

— Да. Вон, в рюкзаке. — О том, что они фальшивые, умолчал.

— Хорошо. Кто будет встречаться с полковником и передавать деньги?

— Я.

— Тебя что, командиром назначили? — Асланбек с сомнением смотрел на Алишера. — Эсса такого не говорил. А ситуацию я объясню. Этот... шайтан, как его турок называет, какой-то чокнутый... Притащил мальчишку, говорит, это внук полковника. За его возвращение, говорит, полковник выполнит все требования без денег. Деньги вы, говорит, между собой поделите, а мне только полковник нужен. Мы, конечно, на это повелись — миллион на троих очень неплохо, и дело было бы сделано. Но такой облом получился... Связались по радиации с полковником, а он кричит: «Нет у меня никакого внука!» И вот теперь непонятно: то ли этот шайтан что-то напутал, хотя клянётся, что знает всю семью полковника и это его внук, то ли этот... собака — предатель и ради денег от своей крови отказывается.

Пока Асланбек говорил, одноглазый успел выйти из блиндажа и вернуться, он опять сидел в затенённом углу.

— Что же теперь делать с этим ребёнком? — сокрушался Асланбек.

— Убить, — подал голос дагестанец. — А куда с ним — в бой, что ли? Здесь скоро жарко будет... живым не останется.

— Сразу не убивать, — возразил турок, ухмыляясь. — Мальчик хорош... красивый... Можно пользоваться.

Все оживились, но почти сразу осеклись, поймав жёсткий взгляд Алишера.

— Он слишком маленький, — Алишер старался говорить как можно спокойнее. — И вообще, я не люблю мальчиков в таком деле...

— Маленький? — турок, явный педофил, разволновался не на шутку. — Таких раньше в гарем брали... Вот тут, — он дотронулся до своего паха, — чик-чик... Потом борода не росла, усы не росли... Мальчик долго молодой, сладкий...

Асланбек не то чтобы поддержал турка, скорее окрысился на Алишера:

— Мальчиков он не любит!.. С наше поживёшь в горах, без баб — козу полюбишь. Мы вообще не знаем, откуда ты явился... Командуешь тут... И с деньгами ещё не решили. Вдруг полковник одумается, свяжется по радиации. Время у нас пока есть.

— Нет у вас времени, — сухо ответил Алишер.

Асланбек вскинул голову, в глазах его запылало мелькнуло понимание. Он потянулся было за «калашниковым», но Алишер опередил — не вставая, опустил ствол автомата и уложил всех троих одной очередью: Асланбека — первого, потом — дагестанца и турка. Но четвёртого, одноглазого, достать не успел — он тенью метнулся к выходу из блиндажа и исчез. Не видно было и мальчика. Но едва Алишер хотел броситься вдогонку за одноглазым, как вдруг услышал тихие всхлипывания. Чёрт с ним, с одноглазым. Алишер стал в неверном свете керосиновой лампы обыскивать помещение. Оказалось, мальчик зарылся в куче старых бушлатов в углу блиндажа.

«Это хорошо, что он только слышал выстрелы, но не видел самого... убийства», — подумал Алишер, мысленно споткнувшись о слово «убийство». Но тут же одёрнул себя: зачем лукавить? Да, он убил врагов, защитил ребёнка, возможно, спас жизни милиционеров, которых подставил бы полковник... Но раньше расстреливать вот так, в упор, не в бою, ему не приходилось, и от этого как-то нехорошо было на душе.

И куда теперь девать мальчика? Как идти с ним к полковнику?

Под навесом стоял старый уазик. Алишер посмотрел: машина открыта, ключ в замке зажигания. Это хорошо. Завернув тела убитых в брезент, которым, видимо, накрывали крышу во время дождя, Алишер волоком вытащил их из блиндажа и спрятал в ближайших зарослях.

Потом взял мальчика на руки. Мальчик уснул на руках Алишера. Это к лучшему: может, что-то сотрётся из детской памяти.

Когда пришло время трогаться, Алишер положил спящего ребёнка на сиденье машины, укрыл тёплым бушлатом.

До места, где должна была состояться встре-

ча с полковником, Алишер не доехал: дорога оказалась завалена камнями. Видимо, накануне сошёл мощный оползень.

Тогда он закинул на спину тяжёлый рюкзак, повесил на плечо автомат, разбудил мальчика:

— Пойдём, малыш, нужно немного пройти пешком.

Тот послушно протянул ему ладошку. Так и пошли по дороге, пробираясь через завалы, но вскоре мальчик устал, остановился и заплакал. Алишер взял его на руки.

«Гарун бежал быстрее лани...» — всплыла в памяти лермонтовская строчка. Некстати всплыла, потому что Алишер не бежал, а еле-еле шёл — всё медленнее и медленнее. «Какой неудачный у пацана возраст, — рассуждал сам с собой Алишер. — И идти долго не может, и тащить тяжело». Ладно, хоть бы разговаривал... А то молчит как истукан. Как зовут — и то невозможно добиться, хотя на дебила не похож. Взгляд у него не детский, по-взрослому серьёзный. Может, шок от пережитого? Но ведь то, что Алишер его спас, должен понимать или нет?..

Горы вокруг были чужие. В Таджикистане они практически лишены растительности, лишь у подножия растут миндаль и кусты фисташек да по весне вспыхивает алая россыпь маков и тюльпанов — такая густая, что почти не видно зелёной травы. А выше только скалы до самых снежных вершин. Прятаться там практически негде, и ходить по крутым склонам тяжелее. А здесь, в Чечне, такие заросли, что спрятаться и затаиться от случайно или неслучайно появившихся бандитов легче лёгкого. И всё-таки это чужие горы.

Между тем они уже спустились вниз — на тропинку, которая вела к лесу. Алишер ещё раз посмотрел на компас, взглядом искал в окрестностях приметы-ориентиры. Вот сваленный дуб справа от тропинки, которая становилась по мере продвижения всё шире и ровнее, вот ручей, скорее всего образовавшийся из родника, бывшего выше из-под двух валунов... Пока всё правильно. А это кто?..

Возле ручья лицом вниз лежал человек в камуфляжном бушлате. На ткани несколько дырок от выстрелов, а крови не видно. Живой,

мёртвый? Если мёртвый — лучше пройти мимо. А если живой и его ещё можно спасти?.. В этом случае проходить мимо нельзя — хотя бы для того, чтобы не получить выстрел в спину.

Алишер нагнулся к незнакомцу, пощупал у него пульс на запястье, затем дотронулся до шеи. Живой... Расстегнул бушлат — под ним милицейская форма. Похлопал по щекам...

— Эй, парень, что с тобой? Встать можешь?

Тот открыл глаза, кивнул, сел и сразу заговорил:

— Я вижу, вы с ребёнком... наверное, мирный человек, — и тут же, заметив автомат на плече, осёкся.

— Говори! — велел Алишер. — Я не боевик, не бандит. Сейчас без оружия в горы не ходят. Кто ты, куда шёл, кто в тебя стрелял?

— На мне бронежилет, он меня спас. Но спина очень болит. Когда в меня стали стрелять, скатился вниз и притворился мёртвым, чтобы не добились... — признался человек. — Я сбежал из милицейской роты. Она тут недалеко...

— Дезертир, выходит? — усмехнулся Алишер.

— Нет, всё не так. Узнал, что командир нас подставил. Хотел куда-нибудь дойти... хоть добежать до телефона... Да я не очень-то и соображал, только думал, что надо что-то предпринять... что-то сделать. Помогите, если можете...

— Говоришь, командир подставил? Откуда знаешь? — строго выпрашивал Алишер.

— Сам слышал, — волнуясь, говорил парень. — Я с девушкой встречаюсь... с чеченкой... В прошлом году познакомились, в предыдущей командировке. Очень хорошая девушка. Мы на складе спрятались — посидеть, поговорить... Плохого не подумайте... она не такая... Мы только за руки держались, сидели рядом, даже не целовались. Наш полковник на этот склад с каким-то чеченцем пришёл. Мы за ящиками сидели... дышать боялись, но всё слышали. Они там оружие пересчитывали, говорили, что нас под засаду подведут. Когда ушли, девушка домой побежала... А я бронежилет надел и тоже побежал куда глаза глядят...

— А кто в тебя стрелял-то? — попробовал уточнить Алишер, мысленно складывая факты.

— Да сам не знаю. Шёл человек навстречу, я

даже хотел к нему обратиться, но он странный какой-то... лицо изуродовано, одноглазый... Ну, мы разминулись, а потом он вдруг стал стрелять мне в спину...

«Одноглазый! Это же он полковника пасёт! Выходит, всё же опередил меня, хотя как — не представляю: я ведь часть пути на джипе ехал...» — думал Алишер, снова и снова пытаюсь вспомнить: кто же он такой, этот одноглазый? почему его лицо ему знакомо?

И вдруг Алишера осенило: да это же Курбани, бывший заместитель начальника милиции в Душанбе! Это они вместе с полковником — тогда ещё майором Ивановым — создали банду и отнимали квартиры у отъезжающих из Таджикистана русских и нерусских. Видать, с тех пор у них остались свои счёты.

— Послушай, парень, — обратился к раненому Алишер, — ты всё же попробуй встать...

Милиционер поднялся, постанывая, но на ногах устоял.

— Это хорошо, что мы встретились. Во-первых, могу тебя успокоить: ребята в засаду не попадут. Всем, кому положено, о планах полковника известно. А во-вторых, я иду на встречу, где с ребёнком быть рискованно. Поэтому ты с ним где-нибудь в зарослях схоронишься, вместе меня дождёшься. Ну, а если нет... — Алишер запнулся, помолчал. — Дождётесь обязательно.

— Хорошо, — согласился парень. — Но я вот что хочу сказать. Там, на склоне горы, сакля. Я, когда шёл, видел — там был свет в окошке, потом погас. Может, посмотрим, кто там живёт?

— Что ж, попробуем, — кивнул Алишер.

Они стали подниматься к сакле.

Действительно, следы человека здесь были. Недалеко от хижины обустроен очаг, затушенный не слишком давно, где-то блеяла коза.

Алишер скинул с плеча автомат и постучал в ветхую дверь.

* * *

Начальник районного отделения милиции Пётр Денисович Иванов потерял покой и сон. И не только потому, что в Таджикистане

шла гражданская война: власть едва ли не каждый день переходила от радикальных исламистов к тем, кто защищал законные устои общества. Перестрелки возникали то на одном, то на другом конце Душанбе, а чаще всего — в центре, где бандиты, или, как их называли в московской прессе, «демократы», «борцы за национальную независимость», штурмом брали президентский дворец, а потом вынужденно сдавали позиции. Жить в этом аду было трудно, работать практически невозможно, быстро убрать трупы с городских улиц и то не всегда удавалось: не было бензина, вся милицейская техника стояла на приколе. И всё-таки сон и покой Пётр Денисович потерял по другому поводу: он, коренной москвич, собирался вернуться в столицу и чётко понимал, что с пустыми руками там делать нечего.

В Таджикистан десять лет назад Пётр Денисович приехал не по своей воле. Был, можно сказать, на взлёте карьеры, ожидал перевода из районного УВД в городское управление милиции со дня на день. Причём уверенность его зиждилась не столько на собственных заслугах и талантах, сколько на том, что двоюродный брат ходил под самим Гришиным — совсем рядышком и обещал свою крепкую поддержку.

Прокололся Пётр Денисович глупо и бездарно. Ведь что обидно — взятки не брал. А если честно, ему, начальнику оперативного отдела, их и не предлагали. Это сейчас если рискуют, так за миллионы, а тогда другая система срабатывала: телефонное право. Поступит звоночек сверху, и хочешь не хочешь, а дело надо либо прикрыть вовсе, а если нет такой возможности, то подвести под другую статью, где наказание скорее всего будет условным. Судьям-то звонки тоже поступают. Конечно, обидно бывало и за свою работу, и за оперов, да против системы не попрёшь.

А прокололся Пётр Денисович так.

Позвонил ему человек. Тот голос Иванов обычно узнавал в первую секунду и, казалось, мог отличить из тысячи других, — властный, тяжёлый, но умел он и быть бархатным, мягким.

— Тут такое дело, Денисыч... Парнишку вче-

ра забрали вроде как за изнасилование. А он, понимаешь, племянник самого...

От произнесённой фамилии майор поёжил-ся, даже встал почти по стойке смирно.

— ...Но дело даже не в этом. Не было никакого насилия. Девка сама спровоцировала парня, а потом бельё на себе порвала, его исцарапала. Знаешь, как это бывает... Чтоб потом шантажировать, тем более знают кого... Мы, конечно, можем дело к себе затребовать, но, если можно прикрыть на первой инстанции... сам понимаешь, это лучше. Шума меньше и вообще...

Всё сделал Пётр Денисович в три счёта. Отпустил парня, хотя в том, что он насильник, не сомневался. И попался Иванов как последний лох. Голос, оказалось, подделал актёришка из той же компании, что и арестованный мерзавец. А ведь слышал-то, скорее всего, его только по телевизору. Талантливый, сучонок. Кажется, таких имитаторами называют.

Что тут началось! Девчонка-то как раз оказалась дочерью народного артиста, известного режиссёра, а насильник и дружок его в кино на массовках подрабатывали.

Спасибо брату: отослал Петра Денисовича в Таджикистан — укреплять кадры, так сказать, помогать доблестной таджикской милиции. От служебной квартиры, двушки в Чертаново, пришлось отказаться: приватизации тогда в помине не было.

И вот теперь, по возвращении в Москву, Иванов был просто обязан иметь деньги на покупку квартиры, а цены на них растут как грибы после дождя. Из республики, а особенно из столицы — Душанбе, массово уезжали русские, или, как их тут называют, русскоязычные, а это значит и евреи, и немцы, и армяне — короче, все, кто не принадлежит к коренной нации.

Решались на отъезд не сразу — поначалу надеялись, что обойдётся. Но после кровавых событий девяносто первого — тогда банды исламистов начали жестокую бойню, жгли и переворачивали машины, насиловали женщин, не только русских, но и таджиков, одетых по-европейски, громили и грабили магазины, — республику стали покидать даже те, у кого где-то в России,

в любой деревне под Урюпинском, была хоть дальняя родня. Квартиры приходилось бросать почти со всем нажитым имуществом.

Тогда-то Пётр Денисович и почуял запах больших денег. Ему даже сон приснился, причудливо реализовавший пословицу насчёт рыб-бок в мутной воде: будто сидит он на берегу реки и удивляется, почему это вода, обычно прозрачная в горных реках с бешеным потоком, почти не движется, словно тиной схваченная. И вдруг из неё то здесь, то там что-то блеснёт. Пригляделся, а это рыбки золотые, нырк — покажутся на поверхности, потом опять нырк — и спрячутся. И видимо их невидимо. Проснулся Пётр Денисович, хотел жене рассказать о том, что привиделось, даже окликнул её:

— Люся, поди сюда!

Из кухни вышла жена в ночной рубашке.

«Ага, выходной ведь сегодня, — сообразил Пётр Денисович, — это у милиции ни выходных, ни проходных. Сегодня бензин наконец выдали, так что поработать придётся на полную катушку...»

— Что тебе? — Жена стояла в дверях.

— С завтраком поторопись. Мне сегодня пораньше надо! — решил, что ей о его снах знать необязательно.

— В холодильнике посмотри, — повернулась, ушла.

Петр Денисович встал и, напевая мотивчик «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», пошёл на балкон делать зарядку. Он всегда поддерживал себя в хорошей физической форме. Поджарый, и силёнка, слава богу, есть, и девчата молодые заглядываются. С досадой подумал о жене: надо же было в двадцать лет дураку жениться! Первая любовь, как же... Обычно такой любви на раз переспать хватает, а потом, конечно, погоны, партбилет, да и дочка появилась через год после свадьбы. Так объяснял Пётр Денисович свой явно неудавшийся брак, не признаваясь себе самому в истинной причине ранней женитьбы: он полюбил эту женщину.

Сон этот приснился Петру Денисовичу где-то с полгода назад, и за это время сказка

действительно стала превращаться в быль. А если называть вещи своими именами, чего майор делать не любил, то за это время он создал целую группировку из милицевских сотрудников для продажи брошенных, а затем и не совсем брошенных квартир.

Перемены в Москве — так называемая Перестройка — только укрепляли в Иванове уверенность: надеяться можно только на деньги. Стулья сейчас зашатались под такими людьми, что надежды нет ни на кого. Где он сейчас, этот Гришин? Ему под зад коленом дали. Двоюродный брат Петра Денисовича пока держится, он мужик ушлый, нос всегда умел держать по ветру... Но пути Перестройки неисповедимы...

Иванов начал не торопясь, — сначала заново приглядывался к сотрудникам, которых, кажется, знал как свои пять пальцев, вёл с ними душевные разговоры.

— ...Вот ведь в какое время попали... Сегодня одна власть, завтра — другая... Кто из них верх возьмёт — неизвестно. Мы, конечно, должны быть на стороне закона. Но где он, закон? Центральную прессу читаешь — только ленивый на бросает камень в сторону милиции, впрочем, как и армии.

К каждому Пётр Денисович находил подход.

— Ты посмотри, что делается, — говорил он русскому. — Израиль своих вывозит, чартерные рейсы для евреев организывает. Немцы тоже едут в Германию — знают, что под открытым небом не останутся. А Россия о своих не беспокоится. Если бы в своё время командир 201-й дивизии не ввёл в город танки, мы с тобой уже бы не разговаривали. А он ведь принял решение самостоятельно, хотя звонил и Горбачёву, и Язову...

С таджиками Иванов беседовал иначе:

— Знаешь, может быть, эти националисты в чём-то и правы. Разве Россия не была империей, а республики — сырьевыми придатками? Кто убирал хлопковые поля, политые химикатами? Таджикские женщины. А потом рожали больных детей. Не надо было, конечно, громить город, убивать мирных жителей. И эти лозунги: «Русские, убирайтесь в свою Россию...» Немного терпения — и победы

можно было добиться мирным конституционным путём.

Главным звеном стали, конечно, участковые. Они первыми узнавали об оставленных пустых квартирах, какое-то время наблюдали за ними. Вошли в долю и начальники ЖЭКов, появился и карманный нотариус, который штамповал доверенности почти не глядя, зато тщательно пересчитывал деньги.

Приобретённые мошенническим способом квартиры тут же перепродавались, иногда по нескольку раз, ведь следующие покупатели не отвечали за действия предыдущих. Но сбои всё-таки случались.

Уезжали из мятежной республики не только русские, но и таджики. Так семья врачей, списавшись со своими друзьями, переехала в сельскую местность под Тверью, где им пообещали жильё. Через некоторое время из Ленинабада приехал в Душанбе их племянник с настоящей доверенностью на квартиру и имущество своих родственников, а застал там посторонних людей. Обратился в милицию, к самому начальнику Петру Денисовичу Иванову. Тот глядел на молодого человека чистыми голубыми глазами, излучавшими не меньше возмущение и сострадание, заявление принял, пообещал немедленно расследовать.

Посоветовавшись, подельники решили деньги от продажи квартиры вернуть, виновных привлечь к суду, на том с этим племянником и расстались. А с чего бы это? Да потому, что с ленинабадцами лучше не связываться. Все долгие годы в Таджикистане правили ленинабадцы. Куда ещё дело повернётся — никто не знает. И вообще, лучше не трогать квартиры уехавших таджиков: у них всегда найдутся родственники.

Другое дело — русские. Ну, пришла одна гражданка по поводу квартиры своей подруги, уехавшей в самом начале кровавых событий. Вот, говорит, у меня доверенность, а в квартире кто-то поселился. Сначала с ней опер беседовал, потом она прорвалась к Петру Денисовичу. Тот возмущался с ней вместе, пообещал разобраться непременно и принять меры. Задом предупредил: дело это непростое.

Когда спустя какое-то время та гражданка

вновь пришла на приём к Иванову, он уже не изображал приветливость и сочувствие.

— Что же это, гражданочка, ваша подруга в прятки с нами играет? Вам — доверенность, другим — доверенность... Квартира была продана по закону. Вот, ознакомьтесь, пожалуйста. Её подпись?

— Вроде как её... — засомневалась женщина. — Да, её. Ничего не понимаю. Какой-то Хайрулло Усманов. У нас вроде и знакомых таких не было...

— Ну, всех знакомых даже лучшей подруги знать невозможно, — убеждал Иванов. — А нам больше голову не морочьте. Видите, какие события? Продохнуть некогда.

Уходя, уже в дверях, гражданка недоумевала:

— А что же она мне звонит, просит продать поскорее за сколько возьмут. Может, он... Усманов этот... деньги ей не отдал?

— Может, и не отдал, — соглашался Пётр Денисович. — Но это уже другая история. Пусть с этим Хайрулло разбирается... или... как там его...

В общем, дела шли неплохо, квартиры продавались одна за другой, и не раз вспоминал Пётр Денисович Иванов поговорку: «Кому — война, а кому — мать родна». О жилье в Москве он уже не беспокоился, а что касается работы — тут уж как получится. Время такое, что даже опытные кагэбэшники кто в частные сыщики, а кто и вовсе к бандитам подались.

* * *

Алишер Рахметзаде был метисом. А именно метисов можно назвать самыми уязвимыми в националистических распрях. Мать разошлась с отцом, когда он был ещё маленьким, тот уехал в Ленинабад, женился на таджичке, обзавёлся пятерыми детьми и с Алишером почти не общался. Конечно, Алишер считал себя русским, потому что именно на этом языке говорил, думал, писал. Но и о том, что наполовину таджик, он тоже не забывал. Не то что как бы специально помнил об этом, но какое-то единение с этим народом подсознательно всегда в нём присутствовало. Ну и куда уж деться от своей явно нерусской внешности

и пятой графы в паспорте! Но до войны в Таджикистане это его никак не волновало.

А ведь это была уже вторая война для него: Алишер прошёл Афганистан. Ту, первую, считал бессмысленной, потери неоправданными, но националистической идеологии в ней он не видел. Кроме того, Афганистан был всё же чужой страной. Теперь пожар раздували в его собственном доме...

Странно, но они с матерью никогда раньше не помышляли уехать в Россию. Анна Николаевна работала в одном из НИИ, занималась проблемами сельского хозяйства, ещё в молодые годы стала кандидатом наук, а в последнее время трудилась над докторской. По её настоянию и Алишер поступил в сельхозинститут, но вскоре пожалел. Это была не его стезя, хотя и со «своей» он тоже не определился. Тянулся к литературе, много читал, потом стал пописывать стихи и короткие рассказы. Кроме того, увлёкся парашютным спортом. Небо и поэзия — вот что волновало его душу, сливаясь в нечто неразделимое. Но ни то, ни другое не профессия. Поступил в университет на филологический: факультета журналистики тогда ещё не было. Ходил в литобъединение при газете, потом и в Союз писателей республики. Увлёкся фотографией, во время каникул подрабатывал на «Таджикфильме» помощником оператора. После университета его сразу призвали в армию, в десантные войска, — у него уже было за спиной приличное количество парашютных прыжков, победы на соревнованиях. А затем — Афганистан...

Когда брожение началось в Таджикистане и, кажется, сам воздух был наполнен ненавистью и страхом, Алишер однозначно решил для себя, на чьей он стороне. Вместе с другими молодыми парнями организовывал отряды самообороны в микрорайонах, нёс ночные дежурства, но ещё прежде пытался разобраться в самой сути, в истоках того, что творится на его малой родине.

Алишер хорошо запомнил, как первый раз пришёл на собрание «Растохеза» — идеологического штаба радикальных исламистов. Его ошеломили знакомые лица. Был там молодой, но уже очень известный поэт Рахмат

Умаров, совсем недавно удостоенный звания лауреата премии Ленинского комсомола, и совсем недавно на своём творческом вечере он благодарил советскую власть, которая ему, кишлачному мальчишке, дала всё, чтобы подняться до таких высот. Был и кинорежиссёр Азиз Юсупов, снявший несколько довольно средних, но явно прокоммунистических фильмов. Зарина Ахмедова, журналистка, тоже метиска, как Алишер, киносценарист Ваня Малахов, вообще русский, ещё несколько русских, с которыми он не был знаком. Ну и, конечно, Глеб Ампилов, что было как раз ожидаемо. Это его публиковали едва ли не все московские газеты. Это он молчал о том, как прямо у входа в Дом радио расстреляли его коллег-журналистов, молчал о зверствах, творимых исламистами, зато взахлёб восторгался национально-освободительным движением, будущей свободой и, конечно, демократией в независимой республике. С Глебом как раз всё было ясно: статьи проплачивались такими деньгами, что отказаться он не мог. Обидно, что при всей подлости и продажности перо у него было хорошее. А остальные герцены и чернышевские?..

Алишер молча слушал виртуозные декларативные речи, мрачнел всё больше. А когда под конец поэт обратился к нему с просьбой выступить, сказал:

— Ребята! Вы не ведаете, что творите... Это не касается таких, как Глеб Ампилов, или ярых националистов, фанатиков, как Якуб Саматов. Каждый из них знает, что делает и к каким последствиям это приведёт. Но вы не ведаете. Пока не поздно, одумайтесь!.. — С тем и ушёл.

Мама в тот вечер уже была дома. Алишер заглянул в её комнату: как всегда, сидит за письменным столом. Он улыбнулся, стоя на пороге. Подумал, что гораздо чаще видит её со спины. Старомодная настольная лампа с зелёным абажуром, голова, склонённая над бумагами. Светлые волосы кружочком сложены на затылке, несколько завитков на хуленькой шее.

Обернулась, спросила:

— Ужинать будешь? Я там приготовила...

— Не беспокойся, мама. Сам разберусь, поем. Потом тоже поработаю.

Для близких людей они довольно мало общались, как будто была между ними негласная договорённость не лезть в жизнь друг друга, а уж если такое случалось, мама делала это очень деликатно. Алишер следовал её примеру.

Ужинать он не стал и долго не мог уснуть.

Алишер не любил вспоминать об Афганистане, это всегда приносило боль. Но сегодня ему назойливо припоминался тот эпизод, который он хотел бы забыть навсегда. Однако разве человек властен над своей памятью?..

Это было недалеко от Кандагара. Их разведрота базировалась недалеко от тихого кишлака. На командном пункте, расположенном километрах в трёх, им сказали: кишлак тихий, потому что все мужчины в горах, но бдительность терять нельзя.

Ждали пополнения и приказа по освобождению пленных, захваченных моджахедами. Приказ всё не поступал, и бойцы совсем не совсем, но расслабились. Ходили к местным жителям разжиться какой-нибудь едой, в основном — кукурузными чуреками. Иногда перепадала и выпивка — самогон из той же кукурузы или алычи. В окопах почти не сидели, чаще собирались в блиндаже — сарайчике, который был когда-то построен, видимо, для скота. Так однажды увидели медленно приближающуюся фигуру. Алишер с двумя солдатами пошли навстречу, прихватив автоматы. Фигура оказалась седобородым стариком, который с трудом тащил корзину, наполненную огромными гроздьями винограда. Остановился, поклонился, улыбаясь беззубым ртом.

Что-то говорил по-афгански, часто повторяя слово «командир».

— Чего ему командир? — удивился один из солдат. — Боится, что съедим, не дадим командиру, что ли?..

— Может, что сказать хочет? Пойду позову командира. Заодно Бахтиера прихватим, пусть переводит, — сказал Алишер.

Бахтиер — таджик. Он с афганцами объясня-

ется запросто, как русский — с украинцем: языки очень похожи.

Командир, майор Владимир Степанович Кочетков, сидел в блиндаже, играл в шахматы с сержантом Ивановым. С досадой Кочетков прервал партию, позвал Бахтияра. Не успели отойти на несколько шагов, как раздался мощный взрыв. Взрывная волна накрыла всех, разбросав в разные стороны.

Поднялись с трудом. Вроде все живы, только майор держался за голову: видимо, его оглушило сильнее других. Пошатываясь, но всё-таки почти бегом направились к месту взрыва. То, что увидели, было страшно. Только один из солдат — Николай — с оторванными ногами лежал в стороне. Остальные — фрагменты тел.

Подошли к раненому. Как ни странно, он был в сознании, боли, похоже, не чувствовал, только странно вращал глазами.

Командир наклонился над ним.

— Говорить можешь?

Тот кивнул, стал что-то бормотать, на губах у него кровавые пузыри вздулись. Но его всё же поняли. Слава Лиходеев решил, не дожидаясь командира, достать кисть винограда из корзины...

Затем Николай дёрнулся, пузыри, лопаясь, стали струйками стекать по подбородку. Он уже не дышал.

Командир опять обхватил голову руками, сжимая виски. Лицо его было белым. Но голос звучал громко, когда он приказал:

— Сержант! Всех — в ружьё... Сюда немедленно... Построиться.

Когда все пятнадцать человек выстроились перед майором, он отчётливо отдал приказ:

— Всем — в кишлак. И каждого, кого найдёте, независимо от пола и возраста, выстроить вот на этом месте...

Алишера подташнивало, он подошёл к командиру:

— Владимир Степанович, майор!..

Отношения в разведроте были, можно сказать, панибратские. Правда, только во время ожидания или передыха. Что касалось дела — тут дисциплина становилась железной.

— Расстреляю всех! Лично, из пулемёта. Чтоб ни одного, ни одного!..

Глаза у майора были выцветшие, взгляд безумный.

— Командир! Ты не сделаешь этого. Кого расстреливать?! Женщин, детей?! — с отчаянием в голосе спросил Алишер.

— Отставить разговоры! Обращаться по форме...

Из кишлака солдаты уже пригнали несколько женщин, те тряслись от страха, что-то выкрикивая, плакали протяжно, как выли. Визжали дети, цеплявшиеся за подола матерей.

— Я тебе не позволю сделать это... — Алишер тряс командира за плечо.

— Ты? Да я тебя первого!.. Как предателя... сейчас!.. — тот вскинул автомат.

Алишер успел схватить его за руку, вывернул её, автомат упал на землю. Он смог повалить майора, хотя тот, пусть и постарше, гораздо опытнее и не слабее никого из своих бойцов. Но их поединок ничего бы не дал: командир был не в себе, и Алишер это понимал. С размаху ударил его по щеке, потом — по другой.

Майор побагровел, но взгляд его стал более осмысленным.

— Руку на командира поднял?! На офицера?! Да я тебя под суд, под трибунал!..

— Вот и хорошо, — устало сказал Алишер. — Отдашь под трибунал, это правильно.

Майор на глазах приходил в себя. Скомандовал солдатам:

— Отпустите этих! — Но, видимо, он не знал ещё, как выйти из ситуации с Алишером. Опять взялся за голову, постоял минуту-две, раскачиваясь из стороны в сторону. Затем приказал: — Сержанта Рахметзаде — в карцер!

Да какой карцер в их лагере?.. Разве что в сарае был отсек, отгороженный железной решёткой, — видимо, туда помещали овец на время ягнения. Там Алишер и провёл ночь, задыхаясь от стойкого запаха овечьей шерсти и мучаясь горькими думами. На войне человек в любое время может превратиться в зверя — даже такой мировой мужик, как их командир. Как это объяснить людям? Особенно этим растوخезовцам?

На рассвете Алишер услышал скрежет открываемого замка. Думал — принесли еду. Оказывается, командир.

— Алишер! Прости меня. И спасибо, что удержал от бессмысленного убийства. Я просто потерял разум.

— Я знаю, — Алишер улыбнулся. — Значит, трибунала не будет?

— Какой трибунал! Я бы сам пошёл под него, причем добровольно, если бы... Давай забудем про весь этот кошмар.

— Уже забыл.

Командир протянул Алишеру руку, потом они обнялись. Через несколько часов началась операция по спасению пленных, и завершилась она успешно.

Где он теперь, Владимир Степанович? По слухам, в Москве, чуть ли не в Министерстве обороны. Дай-то бог! Не так много там таких, что честь и совесть не растеряли.

«Растохез» выпускал свою газету, печатали то словесную мишуру, то лживые сообщения и декларативные постулаты о том, что творится в республике. Алишер тоже работал в газете, но совсем в другой. И перо его было не слабее, чем у Глеба Ампилова, но очерки о происходящем, которые Алишер тоже посылал в Москву, не публиковались.

Все газеты выходили нерегулярно. Если бои шли в Душанбе, то просто не выходили, а в другое время пресса зависела от того, кто на сей раз захватил власть.

Алишер вспомнил, как раньше приходили в редакцию старушки с жалобами на бытовые неустройства, вплоть до того, что течёт унитаз, а сантехник третий день не приходит, а ещё рассказывали в письмах, как обижает невестка, или о соседях, которые устраивают скандалы и не убирают подъезды. На все письма приходилось реагировать, чаще всего рассылали их по инстанциям с сопроводительной.

Сейчас не до бытовых жалоб, да и посетителей практически не бывает. Хотя в последнее время стали обращаться с более существенными вопросами. Оставленные русскими квартиры продаются по подложным документам. Алишер такие письма тоже пересылал по инстанциям: в милицию, затем в прокуратуру, если милиция отказывала в возбуждении уголовного дела, — отправлял до тех пор, пока не заметил одну

странную закономерность. Почти все подобные жалобы приходили из одного и того же района, и это наводило на определённые размышления. Алишер прекратил их переадресовывать, а стал складывать в папку, решив по возможности провести собственное расследование.

В редакции сотрудников было мало, — русские в основном поужезали. В своём отделе он был, собственно, один, если не считать молоденькой практикантки с журфака ТГУ.

Хорошая девушка Ирочка, старательная, на Алишера смотрит как на бога и ходит за ним как собачка, — наверно, считает его в журнальчике асом, хотя он о себе другого мнения. Выглядела она совсем девчонкой, может, потому, что не пользовалась косметикой. Волосы гладкие, чёрные, зачёсаны назад, схвачены в аккуратный хвостик. Да и одевается скромно: потёртые джинсики, свитерки. А вот улыбка хорошая: на щеках появляются две ямочки, и тёмные глаза словно тоже наполняются этой улыбкой. Только улыбается она редко. Да кто сейчас часто улыбается?..

Алишер дал ей несколько писем, чтоб прошлась по адресам, поговорила с новыми хозяевами, соседями, пока в городе тихо. Милицию, прокуратуру — это взял на себя. Но так случилось, что расследование пока пришлось отложить.

В столице было действительно относительно спокойно, но появились сведения: группа афганских моджахедов прорвалась через границу. Погибли более двадцати пограничников, их не просто убили, но и обезглавили. Теперь моджахеды стараются пробиться к гармским боевикам, а уж от такого объединения пощады ждать не придётся не только русским. Но, с другой стороны, пришли и хорошие новости: поднялись кулябцы. Их объединил в Народный фронт бобо¹ Сангак, о котором говорили — бывший уголовник, двадцать лет просидел в тюрьме. Алишеру ещё предстояло встретиться с этим неординарным человеком и составить о нём своё мнение.

Он отправился в Курган-Тюбе — город, недавно осаждённый ваххабитами. Фанатики

¹ Бобо (тадж.) — дедушка

жестоко расправились с местными жителями — своими же таджиками, трупы девушек по нескольку дней висели на столбах, потому что жили не по шариату, дружили с русскими, обрезали волосы, не носили национальную одежду. Город был почти сожжён, но сейчас перевес был на стороне сангаковцев-кулябцев.

Когда-то мальчишкой Алишер бывал в этом уютном небольшом городке, в центре которого стояли три кургана — им он и был обязан своим названием. Неподалеку от этих курганов был расположен хлопкоочистительный завод, директором которого был двоюродный брат мамы Алишера, но дяди, как и его жены, давно уже не было в живых, они были намного старше мамы. На заводе работало большинство кургантюбинцев. От него же шла узкоколейка, вывозившая продукцию. Тогда вместе с другими мальчишками они цеплялись за что только можно, залезали на крышу и катались на вагончиках...

Первое, что увидел сегодня Алишер, это стоящий грузовик и людей в кузове, которые раздавали оружие. Желающих получить его было столько, что образовалась очередь. Алишер тоже встал в конец. Документы никто не просил. Спрашивали только: стрелять умеешь?

— Я воевал в Афганистане, офицер... — Приврал насчёт офицера, но получил винтовку и пистолет.

А вечером был бой...

Перебив половину и отогнав оставшихся в горы, кулябцы ликовали, хотя были потери и у них. Город не спал, и Алишер стал искать Сангака. Ему было куда пристойнее прийти к нему не просто в качестве корреспондента, но и человека, защищавшего город. Тот его принял, проговорили они долго — до рассвета, и эта ночь навсегда осталась в памяти Алишера. Не всегда судьба балует встречами с такими людьми.

Борода Сангака была белой и пушистой, как у сказочного Деда Мороза, на этом сходство заканчивалось. Глубокие морщины избороздили смуглое — очень смуглое, особенно по контрасту с бородой, — лицо. Взгляд умных,

пронзительных и усталых глаз чуть исподлобья. Причём усталость эта была не сиюминутная, от которой можно отдохнуть, отоспаться, а от всего прожитого за долгие годы жизни. А ещё глаза говорили о том, что этот человек уже познал всё, что Бог ему предопределил познать.

Сидели за дастарханом на полу, подвернув под себя ноги, как принято на востоке, и Сангак рассказывал...

То, что бобо Сангак двадцать лет отсидел в тюрьме, оказалось чистой правдой.

Первый срок получил, когда был молодым парнем и работал в чайхане простым чайханщиком. Однажды в Куляб приехал какой-то проверяющий из Душанбе — мелкий партийный чиновник, который строил из себя важную птицу. Как водится, любил выпить и поесть на халяву. Чайхана, где работал Сангак, была в городе одной из лучших: над журчащим арыком, вся увитая виноградной лозой. Туда и приводили каждый день местные подхалимы «дорогого гостя», чтобы ублажить отменным шашлыком и другими яствами. Коньяк для конспирации подавали в чайнике, пили из пиал, чтобы простой народ не уличил гостя в пристрастии к спиртному. Однажды после жирного плова пьяный чинуша несколько раз громко рыгнул, и Сангак подумал, что самое время вместо коньяка заварить хорошего зелёного чая, тем более по азиатским обычаям после плова горячительных напитков не подают. Сытый гость откинулся на шёлковые курпачи, принял пиалу в руки. Но когда отхлебнул и понял, что это не коньяк, выплеснул чай Сангаку в лицо.

Сангак был молод, горяч и обиды не стерпел. Взяв за шиворот, стащил чинушу с топчана и, пригнув сильной рукой его голову, вылил на неё содержимое чайника.

Осудили его за злостное хулиганство и телесные повреждения — ожог, от которого на лице потерпевшего слезла кожа.

Потом, уже отбывая срок в душанбинской тюрьме, Сангак убил сокамерника — «смотрящего» за зоной авторитета. Сделал это совершенно осознанно, потому что тот отличался

особой жестокостью, издевался над молодыми, больными и слабыми. Тогда к пяти имеющимся ему добавили ещё пятнадцать. Зато сам Сангак стал «смотрящим», но справедливым — беспредела не допускал.

Вернувшись в Куляб после тюрьмы, он и на воле остался по сути смотрящим: разуверившись в советском правосудии, люди шли к нему с жалобами. Сангак разбирался, и решение его обжалованию не подлежало.

В тот памятный день Сангак говорил долго. Алишер спросил у него:

— Вот, бог даст, закончится гражданская война, и случится это благодаря именно кулябцам — другой силы, противостоящей исламистам, нет. Но принесёт ли это мир и покой на таджикскую землю? Клановость, неоднозначность таджикской нации как таковой может породить новые распри.

Бобо Сангак погладил окладистую бороду, помолчал минуту-другую.

— Да, опасность такая есть. Тут ты, сынок, прав. Недаром народ пословицу придумал: Ленинабад — правит, Памир — пляшет, Курган-Тюбе — пашет, Куляб — охраняет. Наших много в милиции. Кто все годы был у власти? Ленинабадцы. Кулябцы — самые нищие, как и памирцы, земля у них тоже самая скудная. Но сейчас какой расклад? Ленинабадцы войну только издали почувствовали. Они за Анзобским перевалом, к ним исламисты не добрались. Большинство памирцев воюют вместе с исламистами. Зачем? Они вообще-то не таджики. Язык другой, вера другая. Конечно, верх возьмут кулябцы, главой республики станет кулябец. Что касается клановых распрей, скорее всего их не избежать. Но это уже вторая задача. Сейчас справимся с ваххабитами, всякими националистами. Я двадцать лет провёл в тюрьме. Знаешь, сколько там национальностей? Были такие, о которых я раньше и не слышал. Но ни от какой национальности не зависит — плохой человек или хороший. А эти ишаки русских убивают. Они разве не понимают, что завтра под Афганистаном окажутся? Знаешь, сынок, мне лично советская власть и Россия ничего не дала,

кроме тюрьмы. Но моему народу — очень многое. Это русские построили города, электростанции, сделали таджиков грамотными. А теперь они всё рушат, кричат: «Аллах Акбар, священный джихад!» А в мечетях оружие прячут, женщин насилуют, убивают...

— Бободжон, а вы сами в Бога верите?

— Нет, сынок, не верю. Я этот... слово есть... на «артист» похоже.

— Атеист, — подсказал Алишер.

— Да. Но не знаю, прав ли я. Поэтому другие пусть верят, пусть учат священные книги, в которых не написано, что люди должны убивать друг друга...

Прощаясь, Алишер низко склонился перед стариком. Это была их первая и последняя встреча.

Через несколько дней Сангак погиб.

Ирочка возвращению Алишера обрадовалась, разулыбалась, и две ямочки так и засветились на порозовевших щеках.

Он ей рассказал о Сангаке, она слушала внимательно, даже слёзы выступили на глазах, а ямочки спрятались.

— Ну, а теперь ты мне докладывай, что удалось сделать, как выполнила задание, — велел Алишер.

— Я обошла семь квартир, — начала Ирочка. — Похоже, что действует целая банда по их отъёму. Все беседы записала. Но расскажу о некоторых случаях сама. — Достала блокнот. — Вот Фрида Яковлевна Гольдман. Ей подруга Лариса Иванова написала доверенность, а сама уехала под Борисоглебск, где для душанбинцев вроде бы выделен посёлок под строительство. Какую-то часть женщина внесла ещё здесь, в Душанбе, остальное надеялась оплатить после продажи квартиры. Однако когда Фрида Яковлевна нашла наконец покупателя, оказалось, что квартира уже продана, и не раз. Она очень этому удивилась, пошла в милицию, заявление приняли, но после расследования оказалось, что доверенность подруга оставила не только ей, а ещё какому-то мужчине, который её и продал. Сначала Фрида Яковлевна даже обиделась на подругу, но потом засомневалась в подлинности сделки.

Лариса позвонила ей и сказала, что никакого Хайрулло не знает, доверенность больше никому не оставляла. И вот теперь Фрида Яковлевна говорит (цитирую): «Пойми меня правильно. Ведь в глазах подруги это я выгляжу теперь мошенницей. Я собираюсь уехать в Израиль, но не могу этого сделать с таким грузом на совести...»

С хозяйкой проданной квартиры, бывшей актрисой Софьей Беленькой, Ира увиделась лично. Та вернулась из глухой деревни где-то под Тверью, прожив там месяц. На дорогу ей собирали всем миром.

«Никогда не представляла, что такое русская деревня. Грязь, нищета, полное разорение. Совхоз был — говорят, получше жили. А по мне хоть совхоз... Что, я в доярки бы пошла? Родня приняла меня, но сами ютятся в маленьком домишке... Удобства, сами понимаете, во дворе. А эти холода... Радовалась, что не продала квартиру, решила вернуться. Думаю, может, всё наладится, а если нет — пусть меня лучше в собственной ванне прирежут, чем так жить».

Истории, в общем-то, все были похожи. Но появились и новые, которые настораживали особенно. Старушка, которую дети, уехавшие в Россию, оставили сторожить квартиру на случай возвращения, исчезла, причём при загадочных обстоятельствах. Но перед исчезновением та старушка зашла к соседке и поделилась «тайными» сведениями. Будто был у неё участковый... Соседи и сами видели — да, заходил человек в форме... И сказал он старушке: «На днях ждут прорыва банды с Гиссарского направления, это ведь как раз мимо ваших домов. Вот я и подумал: здесь у всех мужчины в доме, а кто вас защитит? Да ещё этаж первый... Может, есть у вас кто-нибудь в другом районе города, пережить несколько дней? Только это я вас как одинокого старого человека предупреждаю, весь дом мы выселить не можем, так что никому не говорите. Если есть куда, мы вас даже отвезём. Где-то через часик заедем, а вы соберите самое необходимое, чтоб с одной сумкой, незаметно...»

Старушка от души благодарила участково-

го, но, когда он ушёл, не выдержала — забежала к соседке, поделилась страшным секретом, чтоб были настороже и оборону из парней организовали.

Никакая банда ни в этот, ни в другой день не прорывалась, а старушка исчезла. Прошла неделя, другая, а потом в её квартиру заселилась таджикская семья с детишками. Соседка тоже обратилась в милицию. Там её встретили очень вежливо, обещали разобраться, а потом сказали, что старушка выписалась и уехала к родным. Также заверили, что никто из сотрудников к ней не заходил и ни о какой банде не предупреждал.

Вот это письмо и заинтересовало больше всего Алишера. Тут уже была какая-то зацепка. Он похвалил Ирочку, а в этот дом решил сходить сам. Однако соседка, которая охотно беседовала с девушкой, выглядела испуганной и говорить с ним отказалась. Только сказала, что старушка была не совсем адекватна, скорее всего, это её старческие измышления. На вопрос, не видела ли она человека в форме, ответила, что не видела и корреспондентке ничего такого не говорила.

На другой день утром Алишер созвонился с начальником милиции, договорился о встрече. Ирочке наказал сидеть в отделе, просматривать почту и, если что-нибудь будет о квартирах, письма эти отложить для него.

Ирочка же вдруг засмушалась, словно не решалась о чём-то попросить. Потом, замаявшись, всё же сказала:

— Алишер, вы только не говорите в милиции о том, что я в этом деле участвую, ладно?

— В каком, Ира?

— Ну, что письма проверяю... что работаю с вами.

— Я вообще-то и не собирался. Но почему? Чего ты боишься?

— Алишер, я не боюсь. Это отец за меня боится. Он будет недоволен, — призналась девушка.

Он удивился:

— При чём тут твой отец? Ты можешь по-человечески объяснить?

— Ну так он же... — замаялась Ирочка. — Вы

разве не знали?.. Начальник милиции — мой отец.

— Так, приехали... — Алишер уставился на неё в упор. — А почему ты раньше ничего не говорила?

Расстроенная девушка покраснела:

— Я думала, вы знаете... и по фамилии...

— Да уж! — усмехнулся Алишер. — Фамилия «редкая»: Иванов, Петров, Сидоров... Слышала? Как уж тут было не догадаться по такой «редкой» фамилии! А мама у тебя случайно не прокурор? Ты уж давай выкладывай, чтоб я был в курсе.

— Нет, мама — художница в книжном издательстве... была... А сейчас издательство не работает, так что она дома.

Новость Алишера не обрадовала: нутром чувствовал, что начальник «в деле».

И как же ему с Ирой теперь вместе работать?..

* * *

Когда-то в Москве Пётр Денисович Иванов, будучи ещё молодым лейтенантом, сотрудником линейного отдела милиции, задержал на вокзале молодую цыганку. Ничего особенного для цыганки она не делала: приставала к гражданам, просила ручку позолотить. Сначала Иванов предложил ей покинуть вокзальную площадь, но тут другая какая-то женщина стала кричать, что у неё только что, пока она с цыганкой разговаривала, кошелёк украли. Цыганку лейтенант обыскал, кошелек при ней не было, но он заподозрил, что работала она с кем-то в паре. Иванов на всякий случай задержал её и поместил в КПЗ. На допросе кражу цыганка продолжала отрицать, вела себя дерзко, и три дня её продержали. Потом Пётр Денисович о ней благополучно забыл.

Однако через какое-то время вновь увидел её у вокзала, подходить не хотел — так она сама подошла, выкрикнула ему в лицо: «Эй ты, начальник замороженный! Худая у тебя будет любовь, худая!.. А потом тебя свинья съест», — нырнула в толпу и тут же скрылась в ней.

Иванов тогда ошарашен был не столько её

нахальством, сколько глупыми словами. У них обычно заготовочки имеются: то про болезнь, то про суженую, то про казённый дом. А тут — худая любовь... Никакого смысла. А уж про свинью и вообще говорить нечего. Где это его свинья съест? На улице в Москве, что ли? Ну, чего там, дура и есть дура, мелет что ни попадя. И опять забыл про цыганку, теперь уже вроде навсегда, больше ему она не встречалась. А в последние годы стал вспоминать цыганку, прикладывая слово «худая» к своей семейной жизни, он пытался, сам не зная почему, найти в нём смысл.

В свою жену Люсю Пётр влюбился ещё в школе. Она была самая красивая, такая тонкая, воздушная, кудрявая. Так хотелось её защитить от всех бед и невзгод... И он старался в первые годы, очень старался... Но жена становилась всё холоднее и безразличнее к нему. Кроме того, из тонкого воздушного создания превратилась в худую, словно измождённую тяжёлой работой или болезнью.

Но в издательстве она не перетруждалась, часто работала дома, делала иллюстрации к книгам. Вечерами писала свои картины — какую-то мазню. Пикассо в юбке. Пётр Денисович те художества не понимал, но критиковать не решался.

В быту Люся тоже особенно не усердствовала. Всё делала дочка. А ведь она — приёмная. Его худосочная жена даже родить ему не смогла. О том, чтобы взять ребёнка из детдома, Пётр и слышать не хотел: боялся плохой наследственности. Но так случилось, что у Люси погибла подруга в автокатастрофе вместе с мужем, оставив трёхлетнюю дочку. Оба — преподаватели университета, интеллигентные добродетельные люди. Близких родственников не оказалось, а дальние не проявили желания взять сироту.

Пётр к девочке привязался быстро, да и как иначе — никаких хлопот Ирочка не доставляла. Умница, отличница, и отца любит, радуется его приходу: «Папочка, папочка...» Сейчас уже студентка. То, что на журфак пошла, Петру Денисовичу не очень понравилось, но сдержался — перечить не стал.

А вот с женой худо. Худая любовь?.. Или ху-

доба имелась в виду телесная, которая точит его жену? Тыфу ты, опять цыганка эта проклятая... Но ведь сочетание какое — «худая любовь»... Не вражда, не ненависть, а любовь. И самое обидное, что Пётр действительно любил Люсю. За что, почему? Изменял ей при каждом случае, переспал с разными бабами — с теми, кого называют пышечками, и с толстухами, старше, младше себя, а любовь, ни на чём не основанную, не смог из своего сердца или души, если она ещё осталась, изжить. Всё-таки права она, цыганка проклятая... Приворожила заочно, выходит? Ведь он тогда и не был женат.

Тревога гложет Иванова со всех сторон. Когда задумал аферы с квартирами, и в мыслях не держал, что сможет пойти на убийство. Собственно, он сам никого не убивал, но уж от статьи за соучастие, если проколются, никуда не уйти. А всё жадность его заместителя Курбанали Набиева. Когда пропала старушка, которую напугали, сказав, что бандиты пройдут через их район, и увезли на машине, он сразу почуял неладное. Никаких фальшивых доверенностей, сама написала дарственную и исчезла. Пришлось прижать этого Курбанали, и тот, нахально развалясь в кресле, — кулябец, чувствует, что скоро его земляки придут к власти! — сказал:

— Начальник! Ты умный, да? Тогда подумай сам. Надо нам нотариусу платить?.. Тому, другому платить... Потом хозяева приезжают или родственники, начинают жалобы писать. Знаешь, сколько сейчас этих одиноких стариков и старушек, а ещё бомжи всякие, алкаши... С ними только поговорить хорошо — сами всё отдадут.

— Поговорить, да?.. — с сомнением спросил Иванов.

Курбанали усмехнулся:

— Поговорить... сначала.

Вопрос: «А потом — убить и захоронить где-нибудь за городом?» — Пётр Денисович не задал — не смог произнести вслух. Своего заместителя он знал хорошо, сам его отмазывал за превышение должностных полномочий. Курбанали любое признание мог выбить из подозреваемого... Чего уж там говорить о старушках...

А между тем появился некий журналист, который явно копает под него, Иванова. Вчера они встречались, долго беседовали.

Пётр Денисович встретил его приветливо, на вопросы отвечал охотно.

— ...Почему мошенники орудуют в основном в нашем районе? Да бог с вами, Алишер, район-то самый престижный, значит, и продать квартиру можно куда выгоднее, чем на окраине. А насчёт того, работаем ли мы? Ещё как работаем. Да ведь война, миграция. Вот у меня несколько доверенностей оформлено у нотариуса Эбельмана. А он знаете где сейчас? В Израиле. Вот и достаёшь его там. А пропавших ищем — и старушек, и молодых. Опять повторю: война. Вот в городе сейчас затишье, а у нас в моргах до сих пор неопознанные трупы. Если учесть, что за это время много раз отключали свет и, значит, морозильное оборудование выходило из строя... Представляете, какво работать судмедэкспертам?.. Да и не хватает их, как и графологов.

Тогда Иванов рискнул даже пошутить: сколько слышал, что евреи — умные люди, но теперь уж точно убедился. Как поужезжали в Израиль, так хорошего специалиста не найдёшь, а то и вовсе никакого...

Расстались с Алишером, пожали друг другу руки.

Пётр Денисович обещал, что, как появятся сведения, так непременно сообщит Алишеру, и, улыбаясь, глядел на него светлыми чистыми глазами.

После ухода позвал Курбанали, долго сидели, разговаривали. Тот предложил: журналиста надо убрать.

Пётр Денисович вскипятился:

— Ты что, сдурел? Уж тогда под нас будет копать не какой-то журналист, а наши коллеги из вышестоящих организаций, — потом добавил: — Убирать нельзя. Напугать бы как-то надо, нейтрализовать... Но он, похоже, не из пугливых.

— Подумаем. Все чего-то боятся, надо только понять чего.

В общем, настроение у Иванова было пре-

поганое, и нет человека, близкого по-настоящему, которому довериться можно, чтоб понял, а то и пожалел. Да, пожалел, и такого хочется иногда даже ему, суровому майору, который сам давно уже разучился жалеть кого-то. Разве что ту воздушную юную девушку, неизвестно когда и куда исчезнувшую из его жизни.

Однажды спросил жену:

— Люся, зачем ты вышла за меня замуж?

— Я любила тебя, Пётр.

— А сейчас не любишь?

— Нет. Того Петра любила, а этого — нет.

Вот и весь разговор.

Люся повернулась и пошла малевать свои картины.

Плоская спина, острые плечи. Вот брось он её — ни один мужик бы не подобрал. А у него всё что-то скребет по заскорузлomu сердцу.

Пришла Ирочка. Обняла, расцеловала.

— Папа, ты поел? Нет? Сейчас я разогрею, покормлю тебя.

Хорошая девочка, прямо луч света в его тёмном царстве.

Сели вместе ужинать. Пётр всё решал — спросить про журналиста, нет? Она вроде бежит в эту редакцию, чего-то пописывает.

Спросил всё-таки:

— Ирочка, а ты знаешь журналиста такого — Алишера Рахметзаде?

Опытным взглядом сразу заметил: смутилась, порозовела вся. Господи, только не это... Он лет на десять её старше. Да ещё и таджик. И ситуация слишком не располагающая.

— Знаю, папа. Он мне помогает — правит мои заметки. Я, если что напишу, ему отдаю.

— И что он за человек?

— Очень хороший, папа.

— Семья есть, наверное?.. Жена... дети... — собирал информацию Иванов.

— Только мама. Она, кстати, русская, если для тебя это важно.

— Было бы важно, если бы замуж за него собралась. А так какая мне разница? Хоть китаец. Лишь бы журналистом оказался порядочным, а не из тех, что появились сейчас. Пишут что хотят, особенно про милицию.

— Нет, папа, он очень порядочный, — горячо

сказала Ира. — И уж если возьмётся за что-то, докопается до истины, во всём разберётся.

«Вот этого-то я и боюсь», — подумал майор, но вслух ничего не сказал.

* * *

Анализируя свою встречу с начальником милиции, Алишер не считал её неудавшейся, а время — зря потраченным. Какие-то выводы он для себя сделал. Ни крепкое мужское рукопожатие, ни приветливость майора и его открытое прямо-таки плакатное лицо не ввели его в заблуждение. Тем не менее он очень засомневался в том, что ему удастся раскрутить это дело. Насчёт графологических и прочих экспертиз майор был прав. Специалистов почти не осталось, и кто вообще без ведома следственных органов будет с ним разговаривать? Значит, надо обращаться за помощью либо в МВД, либо в прокуратуру. Но как тут сориентироваться, кто на чьей стороне? Все в подвешенном состоянии, все в ожидании, и кому есть дело до этих украденных квартир, если сама Россия ничем не помогает соотечественникам?

Ирочка на другой день спросила Алишера:

— Ну, как тебе понравился мой папа?

Тот в ответ пожал плечами:

— Он что, красна девица, чтобы мне нравиться? — увидел, что девушка расстроилась и даже обиделась, поэтому добавил: — Вообще-то, понравился, симпатичный мужик. Жаль, мне помочь ничем не может.

Ирочка оживилась:

— Папа надеется, что ты ему поможешь. Правда-правда. Сейчас в милиции такой объём работы, мы с мамой видим-то его не каждый день. А про тебя он расспрашивал... Серьёзный ли ты журналист, как работаешь... Я сказала, что очень серьёзный и обязательно до всего докопаешься.

— Что ж, спасибо за такую лестную характеристику, — Алишер нахмурился, — только боюсь, я её не оправдаю.

События действительно развивались так непредсказуемо и стремительно, что никакие

расследования вести было невозможно, даже бессмысленно. В августе — ГКЧП, и то, что творилось в Москве, отсюда, из Таджикистана, казалось ещё непонятнее и страшнее. В Душанбе застрелили двух крупных учёных — ректора и проректора мединститута, конечно, ленинабадцев. Была ли это бандитская вылазка исламистов или кулябцы начали освобождать для себя места?.. Домыслы были разные, убийц не нашли.

А в конце декабря субботний «Собеседник» вышел с забавным и злободневным, как всегда, плакатом на первой полосе: «Я проснулся утром, здравствуйте, больше нет советской власти!» Русские, оставшиеся в Таджикистане, вдруг оказались за границей. Пьяный мужик шёл по улице и во весь голос распевал: «Беловежская пуша, Беловежская пуша...» Открывшееся российское посольство стало выдавать желающим российское гражданство, правда, длилось это недолго. Очереди были километровые, люди приходили с раскладными стульчиками, до зари, но не всегда могли в тот же день попасть в посольство. Однако вскоре появились посредники, и проблемы у людей состоятельных разрешались просто, причём независимо от национальностей. Посольство вовсе торговало российскими паспортами. В очереди стояли самые бедные.

Алишер с мамой тоже получили гражданство. Позаботился о себе и своей семье и Пётр Денисович. Причём планы у них были в чем-то похожи: Алишер сразу же отправил маму к её родной сестре, которая жила в Нижнем Новгороде. Пётр Денисович собирался отправить жену и дочь в небольшой районный центр во Владимирской области, где он родился, вырос и где жили его дальние родственники. Сам же Пётр Денисович должен был уехать в Москву, но его задержали в Душанбе некоторые проблемы. Алишер тоже собирался в столицу, но и его удерживали сложившиеся обстоятельства.

После развала Союза начался новый, ещё более массовый исход русских и «русскоязычных». Теперь уезжали и те, кто поначалу вроде притерпелся и остался. «Квартирное дело», которое пошло было на убыль, теперь предве-

щало ещё большие прибыли, причём в облегчённом варианте, и уезжать на этом пике Пётру Денисовичу не хотелось. Кроме того, нужно было поменять рубли на доллары и суметь их вывезти через таможенную границу — новые реалии постсоветского пространства.

Огромные суммы Пётр Денисович держал в сейфе у себя в квартире, выдавая участникам понемногу, чтобы не засветились. «Общак» обещал поделить перед отъездом.

Беспокоил его Курбанали: он давно хотел занять место Петра Денисовича... Как бы не поторопился! Кроме того, он явно не доверял своему начальнику и требовал, чтобы тот отдал его долю. Беспокоил и журналист, тоже, видно, не хотевший оставлять начатое дело.

Алишер написал письмо послу России. Изложил факты, которыми располагал, и свои предположения, попросил защитить русское население от произвола, особенно подчеркнув, что остались в республике самые нищие и беззащитные. Особо на помощь посольства не надеялся, но всё же посчитал своим долгом это сделать. Такие же письма отправил в МВД Таджикистана, России, а также во все московские газеты.

Пётр Денисович о проявленной активности Алишера узнал по своим каналам. Хвост, который может потащиться за ним в Москву, пусть и бездоказательный, ему был ни к чему.

Вскоре Алишер начал замечать за собой слежку. Велась она в открытую, и он понял: пока только предупреждают, пугают. Но ведь могут перейти и к действиям...

Ирочка теперь появлялась в редакции редко, но однажды пришла к нему домой. Без приглашения и предупреждения. Что-то там лепетала, что была рядом, что очень хочет с ним посидеть, что-то вроде прощального вечера, ведь они скоро разъедутся. Правда, сказала, что отец тоже собирается в Москву и заберёт их потом из деревни сразу, как будет квартира.

— Ира, а у него что, есть деньги на квартиру в Москве? — спросил Алишер, глядя прямо в глаза девушки. — Они же в Москве баснословно дорогие.

Она растерялась:

— Не знаю. Просто он так сказал. Может, ему на работе дадут?

— Ты телевизор смотришь? Газеты читаешь? Что в Москве происходит — представляешь? Никто никому ничего не даст. Но твой папа купит квартиру. Ты не беспокойся, это он правду сказал. Но не будем об этом, — смягчившись, Алишер резко переменял тему: — Чем же мне тебя угощать, раз в гости пришла? Пока мама не уехала, в холодильнике хоть что-то было... Да ты раздевайся. У меня, правда, как и во всем городе, нет отопления, но сегодня электричество не отключали, камин горит, не очень холодно.

Ирочка сняла пальто, сапоги, вязаную шапочку. Алишер оглядел её с ног до головы и увидел совсем другую девушку. Никаких джинсов и свитерков. Мини-юбка, яркая блузочка в обтяжку, а главное — распущенные волнистые волосы до плеч вместо аккуратного хвостика. Села на стул, закинула ножку за ножку, незаметно, как ей казалось, подтянула юбочку, обнажив круглые коленки.

«Э-э, да она меня, похоже, решила соблазнить, — усмехнулся про себя Алишер. — Неожиданно, конечно, но почему бы и не доставить удовольствие дочке майора?» Тем более у него давно не было женщины, а любимой не было вовсе.

Его Наташка, которую он считал невестой, вышла замуж за другого, пока Алишер служил в Афгане. Она родила дочку, но время от времени встречалась с прежней любовью: приходила, прошмыгивала в комнату Алишера, чтоб не встретиться с его мамой, и они предавались любви. Иногда Наташка плакала, говорила, что любит только его. Со стороны же Алишера всё происходило без особых сантиментов. Скорее, он был циничен: не смог простить измены.

Да вот и сейчас сидит перед ним юная красавица, но особого волнения, так сказать, взлёта души, Алишер не испытывает. Хотя желание есть. Может, потеряв однажды любовь, он вообще стал циником?..

Начал с пробного шарика — была у него такая присказка. Наклонился, поцеловал в губы,

потом положил руку на грудь. Никакого отторжения... Взял на руки, отнёс в постель. Не сопротивляется. Спросил:

— Ну как, совсем разденемся? Замёрзнуть не боишься?

Иришка прошептала чуть слышно:

— Не боюсь.

Глаза испуганные. Он чуть не спросил: чего боишься? первый раз, что ли?

Когда понял, что действительно у неё всё в первый раз, остановиться не мог.

Встал с постели, она тут же села, обнажённая, обхватила колени руками, положила на них голову.

«Такая хорошенькая. Сама невинность, — подумал Алишер и тут же мысленно возразил себе: — Так невинность и есть». И тут его как пронзило. А вдруг всё это подстроено? Сейчас позвонят в дверь и заберут за изнасилование.

— Ира! Ты зачем это сделала? — спросил он.

— Что, Алишер? Что я сделала? — Ира округлила глаза.

— Зачем пришла ко мне? — вскипел Алишер. — Может, мне кофточку твою разорвать или трусики? Где они? А хочешь, синячок для достоверности поставлю. А?

Девушка заплакала. Стала судорожно одеваться, не попадая в рукава блузки, с трудом натянула сапоги.

Перед тем как выскочить из квартиры, прорыдала:

— Я люблю тебя... А ты... а ты...

И всё-таки Алишер был неспокоен целый вечер. А когда ложился спать, сказал себе: «Кажется, ты, Алишер, не только циник, но и большая скотина...»

* * *

На сердце у Алишера было тоскливо. Ирочка на работу больше не выходила, сходить к ней домой он не мог. Хотелось как-то загладить свою вину, если это вообще возможно. Оскорбил, выгнал на ночь глядя...

Решил сходить в университет. Стоял во дворе, ждал, когда закончатся лекции.

Наконец увидел стайку девчат, выпорхнув-

шую из здания. Подошёл, спросил, есть ли кто-нибудь с журфака.

— Я, — ответила рослая девушка, одетая легко, не по погоде.

Алишер воспользовался этим, чтобы начать разговор:

— Простудиться не боитесь?

— Нет, я спортсменка, альпинистка. Так что погодка вполне по мне. Меня Даша зовут. Но вы спрашивайте, зачем пришли. Чего вокруг да около...

— Практикантка что-то у нас на работу не выходит... Ира Иванова. Я завождем... Беспочуюсь, не случилось ли чего.

— Во-первых, у нас никакой практики не было, занятий, кстати, тоже, пока шли бои. Так что Ира по своей инициативе практику устроила. Молодец, конечно. Когда студентов печатают, зачтётся. Но бесплатно всё равно вкалывать не хочется, да ещё в такое время... — теперь девушка заговорила тише: — Но, если честно, у Иры свой интерес был...

— Это какой же? — ухватился Алишер.

— Да, девчонки болтали, влюбилась она в одного козла... журналиста, что ли...

— А почему же сразу козла? Зачем так грубо? — не удержался Алишер.

— А он... этот...

— Козел то есть, — подсказал Алишер.

— Ну да, козёл, — поправила девица, — её не замечал. А в последний раз, когда я видела её в университете, на ней лица не было...

— Дальше что? Почему в последний? — пытался Алишер.

— Так уехали они с матерью три дня назад, — выдала девушка.

— А куда, не знаете случайно?

— Если и знаю, так не скажу. Вы ведь даже не представились. А я свое имя назвала, не так ли? Поэтому сдаётся мне, что вы и есть тот козёл.

Да, бойкая девица. Такая в журналистике пробьётся, да и вообще в жизни. А Ирочка совсем другая. Господи, он только сейчас начал понимать, какая она...

В этот вечер Алишер крепко выпил, хотя пил крайне редко. По этой причине и не лю-

бил собираться с ребятами-афганцами. С одной стороны, конечно, боевые товарищи — есть что вспомнить. Но в том-то и дело, воспоминания давили их. Даже те, кого обошли ранения и контузии, здоровыми всё-таки не были. Сначала пели под гитару, и водочка была вроде бы в кайф. А потом — воспоминания о погибших друзьях, о недождавшихся невестах, обида за Родину, неизвестно зачем пославшую их на заклятие, о маленьких пенсиях, о том, как долго не признавали их воевавшими и отказывали в льготах, о своих несбывшихся надеждах и планах. И вот уже пьяные слёзы, кто-то сжимает в кулаке стакан так, что давит на мелкие кусочки, изранив в кровь ладонь. Боевое братство победителей — участников Великой Отечественной — это совсем другое дело.

Но и одному пить — удовольствие маленькое, а выпил Алишер бутылку, почти не закусывая.

Ночью снилась Ирочка. Сон был какой-то рваный: то идут они по зелёному полю, усеянному яркими цветами, то она сидит обнажённая на его кровати, обхватив колени руками, то он гонится за ней по каким-то тёмным переулкам и наталкивается на непонятные преграды, поскальзывается и вновь поднимается.

Проснувшись среди ночи, Алишер слышал какие-то выстрелы, но утром засомневался, — может, это тоже отголоски сна.

Утром, как всегда, он собрался в редакцию. Если не работать, то хоть пообщаться, узнать новости. Улицы были на редкость пусты, ночью, скорее всего, действительно стреляли.

Машины проехали одна-две, так что дорогу вполне можно было перейти поверху, но он по привычке спустился в подземный переход и тут же остановился. Перед ним навзничь, с вытянутыми вперёд руками лежал человек. Пальцы его были скрючены, такое впечатление, что он из последних сил карабкался по ступенькам, но на последние три его не хватило.

Алишер нагнулся над ним, дотронулся до запястья — пульс не прослушивался, рука была

холодной. Перевернул лицом вверх: молодой парень, таджик, одет хорошо — в кожаной тёплой куртке и джинсах — значит, городской, не кишлачный. На виске рана, явно пулевое ранение, волосы в крови, но крови мало, похоже, что его принесли сюда ещё живого.

Алишер расстегнул на нём куртку, достал из кармана паспорт, ещё какие-то документы. И в этот момент, буквально перепрыгнув через эти три злополучные ступеньки, перед ним появились двое в милицмейской форме. Ни слова не говоря, скрутили руки и зашёлкнули наручники.

— Вы что, ребята, с ума сошли?! — крикнул Алишер.

— В отделении разберёмся, — ответили ему.

У выхода из перехода на остановке стоял милицмейский уазик.

— Что, бензином разжились? — попробовал пошутить Алишер.

Один из сопровождавших ударил его под дых:

— Заткнись!

Через полчаса Курбанали без стука вошёл в кабинет начальника.

— Пётр Денисович! Тут недалеко в подземном переходе труп обнаружен. — Глаза заместителя сияли, улыбка растягивала тонкие губы.

— Чего ты врываешься! — осадил Иванов. — Труп обнаружили!.. В парке «Дружба народов» целое захоронение... Едва землёй прикрыты, человек двадцать.

— Так с теми трупами разбираться и разбираться. А тут убийцу на месте взяли. У нас что, много раскрытых дел?

— Убийцу — это хорошо... — Иванов кашлянул в кулак.

Курбанали усмехнулся:

— Ты скажешь «очень хорошо», а не просто «хорошо», когда узнаешь, кто он. Журналист Рахметзаде!

Пётр Денисович цепко уставился в зама:

— Курбанали, но этого не может быть!..

— Если не может, пусть об этом знаем мы с тобой. А для всех других — может! Я его к тебе сейчас доставлю.

Майор вытер пот со лба. Лицо его было растерянным.

— Погоди, я хоть в себя приду. Сейчас... сигаретку выкурю. Известие, конечно, приятное. И почему действительно не может быть? Это я сгоряча сказал. Мы недавно про многое думали, чего не может быть... Так ведь, Курбанали? — Майор встал, одёрнул китель, вновь сел и согнал улыбку с лица, которое приняло озабоченное выражение. — Веди его сюда!

Когда задержанного привели, Иванов бросил:

— Теперь оставьте нас. Наручники можете снять, — и Алишеру: — присаживайтесь. Удивили вы меня, уважаемый журналист. Да не то слово — удивили. Я просто потрясён. Как вы могли пойти на убийство? Зачем? Что связывало вас с этим Закировым? Сейчас, кстати, уточняется, кто он такой, что за личность. Но, если вы чистосердечно признаетесь, расскажете всё сами, то это зачтётся судом... обязательно зачтётся. Видите, я даже протокола не веду, просто беседую с вами. Потом подумаем вместе, как облегчить вашу участь.

Алишер слушал эту тираду молча, глядя исподлобья на майора. Когда тот наконец замолчал, сказал:

— Майор! Я в такие игры играть не намерен. Почему меня арестовали, зачем и кому это нужно — об этом лучше знать вам. Но от вас, конечно, чистосердечного признания не дождётся?

— Зря вы так. — Майор посуровел. — Тогда перейдём к допросу. Как вы оказались в переходе возле трупа?

— Очень просто: я каждое утро хожу через этот переход. Ехать на работу мне надо с той остановки. Увидел лежащего человека.

— И?.. Ваши действия?..

— Посмотрел, нельзя ли ему помочь, вдруг он ещё жив.

— А потом стали обыскивать карманы?

— Поймите, я живу рядом с этим подземным переходом. Подумал, может, он тоже из соседних домов... хоть родным сказать...

— А между тем вы достаточно грамотный человек, — несколько театрально укорял Пётр Денисович, — чтобы знать, что нужно срочно

позвонить в милицию и до её приезда ничего руками не трогать.

— Ну, во-первых, в моем случае это ничего бы не изменило, — Алишер чеканил слова. — А во-вторых... в редакцию бесконечно звонят люди, жалуются: трупы лежат в подъезде... А на просьбы убрать их в милиции отвечают: бензина нет, выехать не могут. Для меня, конечно, бензин нашёлся.

На столе зазвонил телефон, майор снял трубку.

— Так, так... Интересный поворот. Спасибо, Курбанали. Теперь многое становится понятно. — Положил трубку и продолжил с задержанным: — Да, Алишер, попали вы по-крупному. Закиров — известный наркодилер, был у нас в разработке... От чистосердечного признания по-прежнему отказываетесь? — Алишер молчал. — Ну, это теперь не так уж важно. Проведем обыск в вашей квартире, думаю, найдём что-нибудь интересное.

— Не сомневаюсь даже, майор, — огрызнулся Алишер.

— Тогда, может, сами признаетесь, где спрятали наркотики? — подмигнул Иванов.

— Пока не могу. Я ведь не знаю, куда вы их подложите, — съязвил Алишер.

— А вот хамить хватит! — майор перешёл совсем на другой тон. — Обыск будет произведён по всем правилам, с понятиями. — И тут же вызвал конвойного: — Уведите его.

Неизвестно, на сколько человек была рассчитана камера СИЗО, но задержанных там пребывало вдвое, а то и втрое больше. Алишер огляделся: нары все заняты, не то что прилечь — присесть негде. Устроился на полу, поджав под себя ноги. Так и задремал — видно, сработала защитная реакция организма на утренние приключения.

Через какое-то время Алишер почувствовал, что кто-то трясёт его за плечо. Открыл глаза, — перед ним стоял худой, высокий человек примерно его лет. Лицо интеллигентное, глаза умные. Алишер сразу обратил на него внимание, когда только вошёл в камеру, потому что остальные походили на боевиков-исламистов.

— Просыпайся, братан, баланду сейчас при-

несут. — Говорит по-русски чисто, без акцента. — За что закрыли, если не секрет?

— Убийство и наркотики, — ответил Алишер. В том, что наркотики в квартиру ему подложат, несколько не сомневался, а говорить, что не виновен ни в том, ни в другом, не стал.

— Ого, серьёзный ты парень, — произнёс незнакомец, и в глазах его мелькнуло нечто вроде уважения. — Ты, смотрю, удивлён, что я так по-русски хорошо говорю, в отличие от этих, — он кивнул на бородачей, одетых кто в камуфляжные бушлаты, кто в чапаны. — Я не таджик, я чеченец. Все чеченцы говорят по-русски так, что от русских не отличишь, даже в дальних аулах.

От еды Алишер отказался: настолько проголодаться, чтобы есть слипшиеся серые макароны, он не успел.

Чеченец, согнав одного из мужчин с нар, позвал Алишера присесть с ним рядом, достал свёртки с едой — сыр, кусок отварного мяса, белый батон, но и эта еда не лезла в горло. Однако Алишер понял, что чем-то заинтересовал чеченца и тот здесь в авторитете.

— Давай, братан, познакомимся поближе. Меня Мусса зовут, но чаще — Эсса.

Алишер назвал себя.

— Ты про наркотики говорил — сам не на игле?

— Нет, даже ни разу не пробовал, — ответил Алишер.

— Это ты молодец. Трудно, как говорят,azole воды быть и не напиться. Стрелять умеешь?

— Афган прошёл. Спецназ.

— Совсем хорошо, — почему-то повеселел Мусса-Эсса. — Как мне кажется, образование есть?..

— Да, университет. Филфак, школьный учитель.

Эсса рассмеялся:

— Сдаётся мне, в школе ты не работал. Я прав?

— Прав.

— А чем по жизни занимался?

Алишер пожал плечами:

— Да так... Как случится...

Он вообще старался отвечать уклончиво: совершенно непонятно, почему чеченец прояв-

ляет к нему такой интерес. Хоть и оказался в СИЗО впервые, но много слышал и о подсадных утках, и о многом другом.

Алишер спросил напрямую:

— Ты, Эсса, прямо как прокурор меня допрашиваешь. Скажи прямо, чем интересуешься? Наркотой, что ли?

— Спаси Аллах! Я не самоубийца и не потерянный человек, зарабатываю совсем иным способом. Заинтересовался, потому что здесь и поговорить не с кем. Мне нужны не тупые фанатики, а люди, которые умеют воевать и идут на осознанный риск ради больших денег. Мне кажется, мы с тобой нашли бы общий язык.

— Ну да, тебе нужны... — повторил за ним Алишер. — Тогда повторяю вопрос: кто ты?

— Вообще-то, эмиссар... то есть приехал в Таджикистан с особой миссией, — Эсса тщательно подбирает слова. — Мы будем воевать с Россией по-настоящему и выйдем из войны победителями. Но нас мало. Приезд мой сюда не был особо успешным. Как ни странно, куда легче работать с прибалтийцами. Украинцы тоже едут на Кавказ, многие учатся в наших специальных школах. И среди них есть уже отличные снайперы.

— Да, ты прав, меня интересуют только деньги. — Алишер решил придерживаться именно этой темы. — Но объясни мне, пожалуйста, зачем вам воевать с Россией?

— Ты историю знаешь? Знаешь, как в 1944-м весь чеченский народ в скотских вагонах вывезли в дикие степи Казахстана и бросили там как скотину? В основном — женщин и детей. Выжили немногие. А в это время их мужья и отцы сражались с фашистами, получали орден и звёзды героев за мужество и храбрость!

— Эсса, а я могу тебе многое рассказать о том, сколько миллионов невинных погибло в ГУЛАГе. Но ведь ты и сам знаешь... Не можешь не знать...

— У чеченцев другая философия. Другая кровь. Неотомщённый чеченец не успокоится ни в земле, ни на небе, а неотомстивший будет проклят.

— Ну вот, а говоришь — не фанатик, — говорил Алишер. — Давай лучше вернёмся к нашим баранам, то есть к деньгам. Вопрос пер-

вый: есть ли они у Чечни в достаточном количестве? Вопрос второй: мне могут припаять двадцать лет. Надеюсь, война не будет двадцатилетней или воины возрастом под пятьдесят лет тогда тоже будут востребованы?

— Насчёт денег не беспокойся, — заверил Эсса. — То, что на Западе многие были заинтересованы в распаде СССР, думаю, — не дурак — понимаешь. Что они и нам помогать будут, чтобы растащить Россию, тоже понятно. Но главное — сама война. Нет более прибыльного дела для генералов и других властей. Уже сейчас вовсю идёт торговля оружием. Но мы, чеченцы, под Америку не пойдём и в России не останемся. Мы — маленький гордый народ...

Алишер поморщился:

— Послушай, Эсса, ты ведь не на митинге. Забылся малость. Зачем такие громкие слова, когда сидишь на нарах и говоришь один на один? Публики-то нет. Так что переходи ко второму вопросу.

— Со вторым со дня на день решится, — доверительно сказал Эсса. — Исламских боевиков попытаются освободить. Либо штурмом взять тюрьму, либо пожар устроить. Я в детали не вникал, но нам нужно будет уйти с ними. У меня здесь свой человек, хорошо заплаченный.

— Если у тебя свой человек, Эсса, позаботься о документах. Эти разбегутся по своим кишлакам куда-нибудь в горы, у них паспорта не спросят. Мне же нужно уехать в Россию. Конечно, объявят в розыск, но я постараюсь, чтоб не нашли, — ответил Алишер.

— Это ты правильно говоришь, — кивнул чеченец, — документы нам нужны. Я тоже сначала подамся в Москву, но добираться мы будем порознь. Захочешь воевать в Чечне — найдёшь меня. Я тебе два адреса оставляю. Там наши люди, подскажут, как встретиться со мной. А другого пути у тебя не будет. Остановиться-то есть где?

— Да была одна маруха, — уклончиво ответил Алишер. — А денег на дорогу не подкинешь? В долгу не останусь.

Эсса улыбнулся:

— Да куда ты денешься...

* * *

Майор Иванов тоже собирался в Москву. Он уже подал рапорт на отпуск с последующим увольнением, но две недели предстояло отработать. На свою квартиру он тоже нашёл покупателя. Сумма, которую мог за неё получить, для него почти ничего не значила.

Странно выглядело бы, если б бросил приватизированную квартиру. Поэтому он не просто продавал, но скрупулёзно искал покупателя, торговался, не сходил в цене и искал нового. Пусть знают: у майора лишних денег нет. Но это всё так — игра, показуха.

По-настоящему его волновал Курбанали. Нутром Иванов чувствовал: не выпустит тот его с деньгами. Даже если Пётр Денисович разделит их поровну, всё равно не выпустит. Так зачем и делиться? Уж если идти на рискованное дело, так на всю сумму.

Курбанали надо убрать ещё и потому, что слишком много знает. Но и поручить это деликатное дело кому-то тоже нельзя, это мина замедленного действия. Проблема была в том, что за все годы службы майор, кроме как на стрельбище и в тире, нигде не стрелял, хоть и считался одним из лучших стрелков. В конце концов, он был когда-то хорошим опером, и разработать операцию, учитывая полувоенную обстановку в городе и царившую во всех структурах неразбериху, ему было под силу.

— ...Курбанали, останься, — попросил Пётр Денисович после оперативки. — Мне сегодня из городского управления полковник Самедов звонил, похвалил, что за наркодельцов взяли, журналиста закрыли... Только говорит: что ж вы у себя под носом ничего не видите, наркопритон у вас через квартал, в подвале жилого дома.

И майор, и его заместитель про притон, конечно, знали. Более того, их же участковый Алим Бекназаров его крышевал, не забывая делиться с начальством, а нужно было — «наводил порядок», задерживая мелких сошек из наркоторговцев и совершенно опустившихся наркоманов.

Сейчас майор был серьёзен и озабочен.

— Знаешь, давай кончать с этим. Больше потеряем, чем найдём. А так, гляди, начальство по достоинству оценит. Мне это, в общем-то, уже всё равно, а вот тебе, чтобы занять мою должность, не мешает.

Курбанали, прищутив хитрые маленькие глазки, пораздумывал минуту-другую и согласился:

— Пожалуй, ты прав, майор. Действительно, до поры до времени эти наркоманы тихие, нам и так долго везло. А совершат чего... убийство произойдёт — нам тогда не отмазаться.

«Убийство произойдёт», — мысленно подтвердил слова заместителя Пётр Денисович, а вслух сказал:

— Сегодня вечером и отправляйся. Они ближе к ночи собираются, вызовешь патрульную и всех — в обезьянник.

— Может, Алима Бекназарова с собой прихватить?

— А вот этого не надо. Его кормушка, он же и предупредит.

— И то верно. Ладно, до завтра.

— До завтра, — ответил майор, про себя домыслив: «Если оно у тебя будет...»

Ошибались оба: назавтра они не встретятся, встреча им уготована судьбой ещё через многие годы.

Пётр Денисович, сославшись на то, что его вызывают в управление по поводу просьбы об увольнении в связи с отъездом, ушёл с работы почти сразу после разговора с Курбанали. Сел в машину, но отправился отнюдь не в управление, где было всё давно решено, а, поколесив по городу, приехал к себе домой. Жена с дочкой уже несколько месяцев жили во Владимирской области, так что майор холостяковал. Домой приходил в основном ночевать, питался в столовой. А сегодня прикупил в уличной столовой чашку плова, ел не торопясь, детально обдумывая предстоящий вечер.

Квартира находилась в крайне запущенном состоянии, Люся с дочкой взяли самое необходимое. Контейнер он решил не отправлять, а недорогую и не новую мебель оставить будущим хозяевам.

Петру Денисовичу нужно было переодеться, и лучше бы в женскую одежду, а это было довольно затруднительно. Покупать что-нибудь специально — лишние следы. А что можно найти в старых вещах дочери — юной девушки и жены — воблы высохшей? И всё-таки он нашёл. Был у жены махровый халат, в котором она сидела у мольберта в холодные вечера. Много лет назад Люся подарила ему халат на день рождения, но майор носить его не стал. Мало ли что мужской, всё равно наотрез отказался надевать его даже после ванны. Вот Люся его и приспособила себе, чуть ли не втрое заворачивалась и перевязывалась пояском. Рукава по локоть обрезала, но не подшила, они махрились, висели, как старое рваньё. Ладно, чем хуже — тем лучше.

Иванов надел вытянутые спортивные штаны, натянул на лоб старую вязаную шапку, кажется, носила её когда-то Ирочка, в пакет положил домашние тапки, тоже не из новых, сверху накинул вполне приметный плащ.

Машина стояла за углом.

Сев за руль, Пётр Денисович поехал к тому самому притону, о котором и шла речь с Курбанали.

Парковаться поблизости не стал. Прежде чем выйти из машины, снял плащ, туфли, обул тапочки, натянул до бровей шапку. Так и отправился к дому, где располагался подвал.

Тапки скользили по осенней слякоти, но так даже лучше, походка сама по себе казалась шаткой, нетрезвой. В руках Пётр Денисович нёс пакет, в котором был пистолет, но не его табельный, а совершенно новый, приобретённый по своим каналам, а также не оприходованные вещдоки — несколько ампул с опиумом и спичечных коробков с бог знает каким наркотическим дерьмом.

Интеллигентного вида пожилая женщина, гуляющая с внуком, оглядела с ног до головы странную фигуру, возможно вспомнив при этом гоголевского Плюшкина, и вдруг совершенно неинтеллигентно высказалась:

— А это ещё что за новая б****? Господи, да когда это кончится! — и смачно плюнула вслед уходящему майору.

А тот на минуту задумался: означает ли данное определение принадлежность к женскому полу? То есть приняли ли его за женщину, что было бы весьма кстати, или женщина просто выругалась?

Дверь в подвал была не то что открыта, а вырвана. Видимо, её не раз пытались забить жильцы, но посетители вновь выламывали.

В первой комнате никого не было, она вообще никак оборудована не была, только едко пахло уксусом, который используют наркоманы для изготовления своего варева. Во второй на полу лежали рваные матрасы, стояло нечто вроде старого дивана, а также остатки кроватей без спинок, сквозь байковое одеяло торчали пружины.

На одном из матрасов сидели трое парней, которые взглянули на майора осоловевшими глазами с некоторой настороженностью, но вид пришедшего, видимо, их успокоил. На диване лежала молодая девушка, лица он не разглядел, зато хорошо была видна из-за задравшегося халата задница, которая, похоже, никого из присутствующих не волновала.

На полу валялись шприцы, куски окровавленной ваты.

Одного из парней майор знал. Это был конченный наркоман, и, хотя он просто гнил заживо, в больницах его не держали, а в милиции — тем более. Вот он-то и задал вопрос:

— Ты что-нибудь принёс? — и, не дождавшись ответа, добавил: — У нас нет, нам самим мало...

— Принёс, принёс, не беспокойся, — отвечал Иванов. — И не такую дрянь, как у вас.

Парни сразу оживились. Один удивился:

— А я думал, ты баба...

— А тебе что, баба нужна или дурь?

— Не, баба мне не нужна.

Иванов усмехнулся:

— Ну, а мне нужна. Я полежу с вашей девушкой?

— Ложись, ложись... Только это... угости.

— Шприцы есть? — спросил Пётр Денисович.

— А чё, не видишь, вон валяются.

Майор взял с собой несколько шприцев, но доставать их не стал. Хотят этими колоться —

пусть колются. Дал каждому по небольшой ампуле, а сам прилёг к девушке у стенки.

Та не думала просыпаться. Теперь Иванов разглядел её: совсем молоденькая, пожалуй, младше его Иришки. На мгновение он почувствовал нечто вроде жалости, но тут же прогнал это неуместное чувство, подумал о том, что место здесь для засады идеальное и что в засаде он последний раз был очень давно — ещё молоденьким опером, когда охотился за преступником. Теперь он ожидал своего Курбанали.

Время тянулось медленно, наркоманы давно вырубались. Дозу он им дал не смертельную, но довольно сильную. Его и самого потянуло в дрему, когда он услышал топот, какое-то звяканье, и в проёме наконец показался Курбанали вместе с участковым Алимом Бекназаровым. Это было неожиданно и могло усложнить ситуацию. Кроме того, Алима Пётр Денисович к высшей мере не приговаривал, но другого выхода теперь не оставалось.

— Смотри, они какие-то полудохлые, что ли? — раздался голос Курбанали.

— Конечно, полудохлые, балдеют. — Участковый подошёл, стал трясти парней за плечи, называл по именам.

Они бормотали в ответ что-то несурзное и отключались снова.

— Да, мелкая рыбёшка, — с досадой заметил Курбанали.

— Ничего, вызовем патрульную, отвезём на сутки в обезьянник. За это время свяжемся с ЖЭКом, чтоб новую дверь вставили. Всё очистить, замок повесить — и дело сделано. Там ещё баба какая-то на диване. Пойдём посмотрим.

Девушка лежала всё в той же позе, и Курбанали, замешкавшись, предложил:

— Послушай, Алим, может, девку-то...

— Нет-нет, начальник. Они тут все заразные. Я не буду.

— Ну и чёрт с ней. Посмотрим, что за баба рядом с ней.

Алим взял майора за плечи, чтобы повернуть к себе лицом, но тот неожиданно резко развернулся сам, в руках у него был пистолет с

глушителем. Когда участковый стал заваливаться назад, из дырки на переносице у него заструилась кровь.

Курбанали не сразу понял, что случилось, но в следующее мгновение встретился глазами с майором, и тогда он понял всё... Курбанали схватился за кобуру, но не успел — рука дрогнула: майор выстрелил первым... Чуть скосило прицел, из глаза Курбанали брызнула чёрная кровь, и он рухнул на пол.

Тот выстрел должен быть смертельный, так посчитал Пётр Денисович, не в силах произвести второй — контрольный. Ему надо было торопиться.

Иванов подошёл к наркоману — тому, который, как он знал, гнил живо и шансов на выздоровление у него не было. Долго провозился, прежде чем нашёл вену, вколол дозу, от которой не просыпаются. Затем вложил в его ладонь пистолет, попутно прижав к нему подушечки пальцев. Пистолет выпал, но это уже не имело значения. Какой-то тряпкой майор промокнул кровавые следы, испачкал одежду наркомана. Диван и девушка, которая так и не проснулась, тоже были забрызганы кровью. Как это поймут следователи — их забота и проблема...

Резиновые перчатки майор Иванов спрятал в карман халата и вышел в сгустившиеся сумерки.

Поскальзываясь теперь на уже обледеневшей дорожке, завернул за угол, встретив на пути какого-то мужика. Уже в машине снял тапочки, переобулся, сложил всё в пакет, надел синий плащ и сразу отъехал.

Следствие было коротким. Пожилая женщина, гулявшая с внуком, рассказала, что видела неизвестного ей человека — то ли мужика, то ли бабу — не разобрала. Но точно помнит, что в домашних тапочках, а значит, из соседних домов, не иначе. Поговорили с соседями, которые твердили одно и то же: притон и есть притон, слава богу, что всё закончилось, если кончилось. Милиционеров, конечно, жалко, но давно надо было прикрыть эту лавочку, вот и оплатились. Пресса сообщила, что раненный в голову заместитель начальника на-

ходится в больнице в тяжёлом состоянии, врачи борются за его жизнь.

За день до вылета майора Иванова в Москву появилась информация о том, что пришедший в себя после операции капитан милиции подтвердил: в него и участкового стрелял один из наркоманов. Кажется, Петру Денисовичу только с облегчением вздохнуть после такого заявления, — дело тут же закрыли по причине смерти подозреваемого, но чёрный страх заполнил его душу. Раз Курбанали скрыл имя стрелявшего, значит, надеется выжить, найти его и поквитаться. Как же Иванов оплошал, не нажав ещё раз на курок...

Перелёт в Москву прошёл без осложнений. Знакомый депутат за небольшую «благодарность» освободил Петра Денисовича от досмотра. Майор объяснил свою просьбу просто: «Ты же знаешь, какой идиотизм: квартиры продавать можно, а доллары вывозить нельзя». При этом, правда, не упомянул о том, сколько у него этих долларов... Знакомый счёл довод веским, благодарность — убедительной и согласился с доводами майора.

Из столицы Иванов прежде всего отправился в маленькое село, чтобы повидаться с семьёй и припрятать деньги в надёжном месте.

Всю дорогу, покачиваясь в электричке, мучился тяжёлыми мыслями. Он в последнее время плохо спал, более того, стало с ним твориться что-то странное. Бабушки — те, что ходили хлопотать о своих отобранных квартирах, а потом исчезали неизвестно куда, — являлись к нему во снах, рассказывали, как их убивали... Порой эти сны казались явью.

Однажды на работе, ещё до отъезда, конфуз случился. После обеда в столовой Петра Денисовича так потянуло в сон, что он, вернувшись в кабинет, задремал в кресле. И опять явилась бабка и молча стала перебирать на его столе бумажки. Проснулся майор от телефонного звонка, но никак не мог прийти в себя. Бумаги лежали вроде так, а вроде и не так. Позвал секретаршу:

— Ко мне сейчас никто не заходил?

— Нет, — удивилась она. — Да вы же сами из кабинета не выходили.

— Ну да... ну да... Иди. Показалось чего-то. Задремал, видно, всю ночь работал.

А сейчас ещё этот Курбанали с чёрной дырой вместо глаза...

Нет, теперь никакой дрёмы. О семье надо думать. О том, как с женой встретиться. Побудет денёк-другой. Интересно, ляжет ли он ночью с ней спать? От одного предположения Пётр Денисович почувствовал такое острое желание, что, оглянувшись на сидящую рядом женщину, даже положил на колени газеты, прикрыв то место, где так явно оно материализовалось.

И как тут отделаться от мыслей, от полной сумятицы чувств своих? Ведь вот что в голову пришло: может, он извращенец, может, где-то в глубине, в подсознании — некрофил? Люся на живую бабу-то не похожа. Только колени разводит — и все её телодвижения в постели. Скрестить ещё руки на груди, вставить в них свечку — картина маслом... Ладно, хоть дочка — живой человек, увидит — обрадуется, кинется обниматься. Интересно, кто откроет дверь?... Хотя бы дочка...

Открыла жена. Кажется, она похудела ещё больше, если это возможно.

Никаких эмоций.

— Входи, — и всё тут.

Ну, вошёл. Пахло масляной краской. Значит, продолжает малевать.

— Что, не рада мужу?

— Не рада. Есть будешь?

— Буду, — неожиданно для себя сказал. — Я ведь брошу тебя, Люська, в Москву не возьму.

— Я бы и не поехала.

— Ладно. Иришка где?

— Ребёнка спать укладывает.

— Какого ребёнка? — не понял Иванов.

— Своего.

— Ты что говоришь, ты что тут, чокнулась совсем?

— Ира родила мальчика. Зовут Алик. Полностью — Алишер, — чётко, медленно произнесла жена.

У Петра Денисовича туман поплыл перед глазами: «Это уж слишком, это уж чересчур». Он почувствовал тошноту.

В себя пришёл лёжа на диване. Над ним хлопотала Ирочка.

— Папочка, ну что же ты так? Прости, что не сообщили, не хотели тебя волновать. Тебе и работы своей хватает. Разве ты не рад внуку?

Майор вращал глазами, соображал с трудом:

— Я сейчас... сейчас... сейчас... Внуку... ха-ха-ха, внуку...

Пётр Денисович смеялся, пока не обессилел, потом снова впал в забытие. Очнувшись утром, над ним стояла, склонившись, жена, протягивала чашку с каким-то напитком, пахнущим травами. Он послушно выпил, полежал ещё немного. Полегчало.

Теперь майор с интересом вглядывался в лицо жены. У неё всегда были большие глаза, но сейчас они казались неправдоподобно большими. Как будто на всё лицо и были только одни глаза... И вдруг он вспомнил! Как-то придремал у телевизора, а проснулся — шёл какой-то фантастический фильм. Он не собирался его смотреть, но решил выкурить сигарету и какой-то фрагмент фильма всё-таки увидел. Там была инопланетянка. Ну точно, один в один. Глаза, лицо... Только над головой круг какой-то — то ли шлем, то ли нимб. Конечно, ему давно бы догадаться, что ту Люсю из школы подменили. И все эти годы он жил... Страшно подумать! Вот почему она не родила ему ребёнка: не умела любить, и никакой секс ей на фиг нужен не был. У них-то там, наверное, всё по-другому. А в нём она вызывала такое желание — так это инопланетные опыты над землянами. Все годы он был подопытным кроликом... Бежать, бежать и никогда не возвращаться. И никому ничего не рассказывать. А то — в психушку... это у нас быстро! Не поверят ни в то, что бабки по ночам приходят, ни в то, что жена — инопланетянка. И ребёнок тоже оттуда, откуда же ещё... Или это... Алишер?! Пошатываясь, Пётр Денисович встал.

— Люся, я завтра уеду. Больше не вернусь. Вернее, вернусь за документами, которые спрячу у вас на участке. Это важные документы, изобличающие опасного преступника. Место вам показывать не буду. Ни к чему. Но кто бы меня ни спрашивал — вы не знаете, где я, давно меня не видели. Договорились?

Вытащил из сумки два пачки долларов.

— Это вам, чтоб не нуждались. Может, дом получше прикупите. И вообще...

Жена деньги взяла, кивнула, что могло означать «спасибо». Добавила:

— Знать никто не будет.

Майор ей поверил. Ночью пришёл к ней в постель. Молча легла на спину и развела колени. И опять он испытал ни с чем несравнимое обжигающее чувство. Хотелось заплакать и остаться.

Но утром он отправился в Москву.

* * *

Алишер не обманул — дал Алишеру денег, чтобы было на что выбраться из Таджикистана. Но попасть на поезд, а тем более на самолёт, следующий напрямик в Россию, оказалось невозможно — ориентировка на беглых заключённых была срочно отправлена на все вокзалы и аэропорты. Пришлось на перекладных добираться до Узбекистана — благо, граница пока практически не охранялась. Но и потом легче не стало: арестовывать его никто не собирался, однако милиция останавливала частенько — просто для того, чтобы стрясти денег. Тем не менее Алишер понемногу пробирался на север, к границе с Казахстаном, где, как он надеялся, будет полегче.

Но опять ошибся: казахские милиционеры безошибочно узнавали в нём чужака, которого грех не развести на бабки. Одним словом, когда Алишер наконец добрался до границы с Россией — она в то время вообще не охранялась — в карманах у него было пусто. Думал, здесь российский паспорт облегчит положение, но и тут промахнулся: в России, на которую он так надеялся, его гражданство никого не интересовало — всех интересовали только деньги.

Чтобы не умереть с голоду, ему приходилось подрабатывать как придётся, ехать то «зайцем» на электричках, то на товарняках, но Нижний Новгород, главная цель его путешествия, становился всё ближе.

Настал день, когда Алишер постучал в дверь

тёткиной квартиры, где нашла приют его мать.

Алишер сразу постарался успокоить тётку: он, дескать, ненадолго. Вот только заработает денег, чтобы снять себе с мамой квартиру — и они съедут. Но проходили недели, а работа толком так и не находилась: половина газет закрылась, а в тех, что остались, платили смешные, если не сказать издевательские, деньги. Про гонорары вообще говорить не приходилось — слёзы... Всё это напоминало какой-то чудовищный эксперимент на выживаемость. Хорошо ещё мать успела оформить пенсию — была какая-никакая поддержка.

Не так скоро, как рассчитывал, но квартиру на окраине города Алишер всё-таки снял: в газетах его уже успели узнать, материалы брали охотно, платить старались побольше — входили в положение. Но и это был не выход — всё, что зарабатывал, уходило на оплату жилья. Мало-помалу Алишеру стало ясно: единственная возможность приобрести здесь жильё — хоть за какие-то деньги продать квартиру в Душанбе. Но для этого надо было ехать туда самому, а по убийству, в котором его обвиняли, срок давности, конечно, не истёк. Получался классический тупик.

И постепенно Алишер пришёл к мысли, что есть лишь один выход — найти своего командира Владимира Степановича Кочеткова и попросить, чтобы он помог отыскать майора Иванова. Только так можно доказать свою невиновность и причастность милицейского начальника к кровавым аферам с квартирами, исчезновениям и убийствам людей. Значит, надо ехать в столицу.

Пришлось напрячься, чтобы поднакопить денег на дорогу до Москвы, да ещё проплатить съёмную квартиру на полгода вперёд — он рассчитывал, что этого времени ему хватит, чтобы разобраться со своими проблемами.

Но и здесь всё оказалось очень непросто. Дело практически не двигалось с мёртвой точки, хотя Алишер жил в Москве уже почти год. Ему повезло — его однополчанин по Афгану Николай Сливаков был жив, проживал по старому адресу, который дал ему когда-то со словами: «Будешь в Москве — заезжай». Тогда его уво-

зили в столицу с тяжёлым ранением на санитарном самолёте. Что с ним происходило, Алишер не знал все эти годы, поэтому, добравшись до нужного дома в Чертанове, стучал в дверь (звонка не было) с таким волнением, что сердце выскакивало из груди. Не открывали долго, и он в отчаянии сел на ступеньки лестничного пролёта.

Хорошо, не ушёл, потому что за дверью что-то звякнуло. Потом грохнуло, и дверь со скрипом открылась.

— Заходи, кто там есть...

Алишер не сразу узнал низкий хрипловатый голос, но рванулся на него как на спасение. За дверью на инвалидной коляске сидел небритый, как, кстати, и сам Алишер, мужчина в полосатой тельняшке.

— Колька! Господи, как я рад, что ты есть, что ты дома! Просто не представляю, куда бы делся.

— А куда бы я на хрен делся с одной ногой, это ещё интереснее, — хмуро ответил Николай. — Ты кто вообще-то?

— Значит, ногу тебе не сохранили... А я Алишер. Афган, Кандагар... помнишь?

— А ты считаешь, это можно забыть? Ну, давай, брат, обнимемся. Я тебе рад, — улыбнулся Коля, впуская гостя в квартиру. — Раздевайся, сейчас выпьем за встречу, поговорим. Загляни в холодильник, посмотри, что там есть...

— Да я прихватил с собой на всякий случай. И закуски кое-какой. — Алишер скинул обувь и поставил на пол сумку.

Коля ловко развернулся и поехал по коридору:

— А давай — на кухню, там удобнее.

Кухонька была небольшая, но уютная. Да и вообще в квартире чисто, прибрано.

Алишер огляделся:

— Ты, Коля, женат?

Тот пожал плечами:

— Ну, чтобы женат, так нет, а баба — да, есть.

— А какая разница, жена не жена. Лишь бы хорошо с ней было — и ладно.

— Да не так ты меня, Алишер, понял. Жены у меня быть не может, не мужик я. У меня не только ногу оторвало, мне все яйца спалило. А баба прижилась от нужды: беженка, жить

негде. Вот так мы и сладились. Вообще, она хорошая женщина, ухаживает за мной, продукты приносит, готовит. Поговорить тоже есть с кем. Ей крыша над головой, да и харчимся вместе.

— А где она сейчас? — спросил Алишер.

— На рынке торгует, вечером придёт. Она нерусская, и зовут её чудно... Закия... Да я Зойкой зову.

— А торгует рыбой? — огорошил вопросом Алишер.

— Да, а ты как угадал? — удивился Коля. — Вроде не пахнет в доме... Она... Зойка-то... очень чистоплотная, сам видишь.

— Нормально, Коля, всё хорошо, — заверил Алишер. — Спасибо.

А сам подумал: неужели к нему возвращается его непонятная болезнь или... как можно назвать то состояние? Тогда, после взрыва под Кандагаром, Алишер считал, что отделался легче всех. Контузия была нетяжёлой. Головные боли прошли быстро, шум в голове и бессонница тоже. Но однажды он понял, что стал чувствовать даже те запахи, которые обонянию нормального человека недоступны. Мог узнавать каждого, кто стоял за его спиной, и речь не шла о тех, от кого за версту пахло потом или немытым телом. Да что там люди... Пахли деревья, металлы, минералы, насекомые. Жить в таком мире было невыносимо, и Алишер пошёл к знакомому психиатру. Тот выслушал, развёл руками: «Нет ничего неизведаннее человеческого мозга. Где там и что у тебя в голове замкнуло — на это вряд ли кто ответит», — и прописал какое-то успокоительное. Ещё пошутил: мол, дорога тебе в парфюмерную индустрию — там такие «нюхачи» на вес золота. Но однажды, проснувшись утром, Алишер понял, что всё встало на свои места: он жарил яичницу с колбасой и балдел от того, что, кроме запаха привычной еды, не ощущал никакого другого. В Москве, когда в первый раз сел в метро, Алишеру показалось, что беда снова вернулась. Но столько было более сложных проблем, что с этой он решил смириться, ещё не предполагая, какую роль сыграет в его жизни этот то ли дар, то ли проклятие.

Вечером пришла Зоя — симпатичная женщина, смуглая, полноватая, шустрая. Ненадолго забежала в душ и тут же стала ухаживать за мужчинами. Руки у неё были грубые, в ссадинах. Заметив взгляд Алишера, чуть смутившись, оправдывалась:

— Рыба-то мороженная, за день руки заледенеют... А ещё ведь какая колючая есть... тот же окунь морской. В перчатках тоже много не работаешь. У меня же ни паспорта российского, ни гражданства. Спасибо, Коля приютил...

Тот попросил:

— А ты про себя, Алишер, ничего не расскажешь?

— Ситуация у меня хуже некуда, — признался тот. — Всё рассказывать пока не могу. Но главного не скрою: я в розыске. Предполагаю, что в розыске... С деньгами туго... Я почти на нуле. Не приютите — не знаю, куда голову приклонить, но и в обиде не буду, если откажете. Только поверьте: преступления я не совершил, подставили меня.

Коля махнул рукой:

— Да ты что, братан, живи, конечно! Насчёт денег — это у нас у самих трудновато. Пенсию и ту вовремя не платят. Зойке спасибо — подкармливает. Но она тебя, если хочешь, на рынке пристроит, сейчас там приезжих берут охотно. Платят вдвое меньше, чем своим, но и лишних вопросов не задают. А такие здоровяки, как ты, на рынке нужны: разгрузка, погрузка, а может, и морду кому набить.

У Алишера словно камень с души спал:

— Спасибо, ребята. Я выкарабкаюсь. Ты ещё мне, Коля, скажи, не знаешь случайно, где наш командир, Владимир Степанович? Жив ли?

— А вот представь, что знаю. И жив, и здоров, потому что носит нынче генеральские погоны и служит в ФСБ. Видел сам по телевизору.

— Вот это поворотик! — удивился Алишер. — Как мне с ним увидаться?

— А вот тут я тебе не помощник. Там, представь, какая охрана, пропуска и прочая хрень. Это ты уж, брат, сам думай.

Квартира была однокомнатная, но в кухне

стояла раскладушка. Здесь и подумывал устроиться на ночлег Алишер.

Сильно захмелевший Николай возразил:

— Давай в комнате на диване, здесь Зоя спит. Я же тебе ситуацию объяснил. А можно по-другому, — предложил хорошо захмелевший Коля, — ложитесь вы в комнате, а я — в кухне. Может, у вас это... чего сложится. У Зойки мужика всё равно нет, она же сюда не приведёт, постесняется, а тоже ведь живой человек.

— Нет, — отказался Алишер. — Нехорошо это будет, не по-людски. Даже если вы с ней как брат с сестрой... Может, с кем-то встретится, влюбится, замуж выйдет. А я тут ни при чём.

Оба не заметили, что Зоя стоит в дверях и всё слышит.

Расплакалась:

— Что же ты, Коля, предлагаешь меня другу! Я ведь тебя люблю, какой есть...

— Ну и дурочка, — добродушно ответил Коля.

* * *

Алишер устроился работать на рынок. Что-то ему платили, что-то давали продуктами, — по крайней мере, иждивенцем у Коли в квартире он себя не чувствовал.

Дважды Алишер пытался встретиться с генералом Кочетковым. Первый раз — официально, тогда ему предложили записаться на приём — а это значит предъявить документы и объяснить, по какому поводу. К такому Алишер был не готов, потому решил больше не ходить в ФСБ. Светиться ему нельзя.

Оставалось надеяться на счастливый случай. Алишер прохаживался неподалёку от проходной в надежде, что генерал выйдет в это время из здания и он успеет подойти к нему до того, как тот сядет в машину, но из этого ничего не выходило. Более того, камеры наружного наблюдения уже, наверное, зафиксировали его, не исключено, что могут задержать для выяснения личности.

И всё-таки судьба дала Алишеру шанс. Может, не очень счастливый, но дала.

Алишер работал на рынке, и всё было бы нормально, но... Здоровый, крепкий, он ворожал большие тяжести, даже не уставая. Запахи... только запахи сводили его с ума. Он обнаружил, что пахнут не только тела людей. Алишеру казалось, будто запахи издают души, отчаяние, радость, агрессия пахнут совершенно по-разному. А может, всё дело в том, что Алишер улавливал запахи пота, слюны и прочего, что вырабатывает организм человека, когда он испытывает эмоции?..

Однажды Алишер заметил девушку, прохаживающуюся по рынку. Блондинка, довольно высокая, в платье-балахончике. Она то подходила к палаткам, словно собираясь что-то купить, но ничего не покупала, то вглядывалась в толпу, словно надеялась увидеть кого-то.

Алишер вёз тележку, доверху нагруженную ящиками с мандаринами. Когда поравнялся с ней, приостановился, достал платок, вытер пот со лба. Улыбнулся девушке, предложил:

— Мандаринчиками угостить?

Девушка покачала головой: нет.

Алишер втягивал в себя воздух, словно пытаясь отдышаться, и через минуту уже знал про девушку всё или почти всё. Светлые волосы — это парик, он пахнет синтетикой. Алишер почувствовал и страх, который окутывал девушку как туманом. И главное... Он втягивал в лёгкие воздух, боясь ошибиться, но у него почти не оставалось сомнений: запах тротила.

Шахидка?

Алишера вдруг осенило: она искала толпу — место, где больше всего народу.

Он поднял один из ящиков с мандаринами, сделал вид, что хочет уложить его поудобнее, а сам рассыпал плоды по земле.

Стал собирать, продолжая разговаривать с девушкой:

— Видите, какой я неловкий. А всё потому, что на вас загляделся. — Алишер поднял два самых крупных ярких мандарина и протянул ей: — Возьмите, угощайтесь.

Девушка вымученно улыбнулась, чёрные глаза смотрели настороженно. Поколебавшись, она протянула ладони к мандаринам. В ту же секунду Алишер схватил девушку за за-

пятью мёртвой хваткой и поднял её руки над головой. Лицо девушки исказилось, страх теперь смешался со злобой, она извивалась всем телом. Алишер отстранил корпус тела, чтобы не прикоснуться к ней, но хватки не ослаблял. Уже не сомневаясь, Алишер стал кричать:

— Это шахидка! Уходите все, расходитесь дальше!!! Вызовите милицию! Срочно милицию!

Двух милиционеров нашли тут же на рынке. Те подошли, встали поодаль.

— В чём дело, что здесь происходит?

— На ней взрывчатка! — крикнул Алишер.

Совсем скоро подъехали милицейские машины, а с ними группа разминирования.

— Никогда не приходилось снимать взрывчатку с живого человека, — признался сапёр.

Девушка уже обмякла, она по-прежнему висела в руках Алишера. И он тоже едва держал её, не чувствуя онемевших пальцев.

Пояс сапёр снял благополучно. Шахидку посадили в машину.

По обе стороны Алишера стояли два милиционера.

— Ну, давай, герой, следуй за ней, — командовал один.

— Что? — не понял Алишер.

— Там, говорю, разберёмся, откуда вы с ней знакомы. И почему ты знал, что она обвешана взрывчаткой? Может, ты с ней заодно, а в последнюю минуту испугался?

— Куда вы меня повезёте?

— Куда надо, туда и повезём, — сквозь зубы ответил милиционер.

Второй молчал.

Алишер сообразил:

— Везите в ФСБ. Говорить буду только с генералом Кочетковым.

Конвоиры ухмыльнулись.

А Алишер подумал: «Может, это и есть мой единственный шанс». Он сел в машину.

Милиционеры с интересом разглядывали вроде бы нестарого, но заросшего седой бородой мужчину. Усы и шевелюра у него были чёрными. Может, крашеный?..

Привезли его действительно в ФСБ, но не к генералу. Обыскали: оружия не было. Сняли

отпечатки пальцев, забрали паспорт. Значит, теперь, если он в розыске, довольно скоро всё решится. Тем более надо стоять на своём и добиваться встречи с командиром.

Алишера препроводили в камеру. Утром, когда допрос возобновился, Алишер продолжал настаивать на встрече с генералом, повторяя, что располагает сведениями, которые могут его очень заинтересовать.

Часа через два бесполезных переговоров в кабинет вошёл маленький неприметный человек в штатском и очках в роговой оправе. Следователь стремительно вытянулся по стойке смирно и назвал вошедшего полковником. Они перебросились парой фраз, и следователь вышел.

— Вы — Алишер Рахметзаде, — начал негромко говорить полковник. Он перечислил все его анкетные данные, затем — статьи, по которым он привлекался, затем упомянул про побег из следственного изолятора.

Алишер закрыл глаза, обречённо склонив голову, и до него не сразу дошёл смысл фразы, которую произнёс полковник:

— ...Генерал готов встретиться с вами. Он ждёт в своем кабинете. Я провожу.

Они прошли по длинному коридору, перешли в соседнее здание — без конвойных, наручников. «Хорошее начало, — подумал Алишер, — добрый знак».

В просторной приёмной адъютант встал, приветствуя полковника, и распахнул дверь в кабинет генерала. Однако полковник входить туда не стал — пропустил Алишера и закрыл дверь. А из-за стола уже вставал высокий, красивый, слегка пополневший, но такой узнаваемый генерал... нет, майор Владимир Степанович. Алишер шагнул навстречу, всё ещё не веря в происходящее, едва сдерживая слёзы.

Обнялись крепко, по-мужски.

— А я бы тебя не узнал, — признался генерал. — Ну, садись поудобнее. Думаю, разговор у нас будет долгим.

Кочетков вызвал адъютанта, тот быстро накрыл стол — чай, кофе, бутерброды.

— Давай, Алишер, перекусим. Я не обедал, да и ты тоже, а заодно и побеседуем. Рассказывай.

И Алишер рассказывал. Про войну в Таджикистане, про работу в газете, про начальника милиции и его банду, про украденные квартиры, про то, как его подставили, про СИЗО, встречу с Эссой, побег... Рассказал и о своём то ли даре, то ли проклятии.

Генерал слушал, почти не перебивая, только дважды останавливал рассказчика и расспрашивал о мелочах: когда Алишер говорил о встрече с Эссой и пожаловался на свой нюх.

За окнами уже сгустились сумерки, когда Владимир Степанович сказал:

— Ладно, Алишер. На сегодня достаточно. Что же касается твоего майора, то я его знаю. Но только теперь он полковник. Был в Чечне, попал в передрагу, подробности которой до сих пор оставляют большие сомнения. Ребята попали в засаду там, где не должны были попасть. Одни погибли, других взяли в плен. Полковник тоже был ранен, но легко, в плечо, и по касательной. У следователя были сомнения в том, что в этом деле не обошлось без его участия, но доказать он этого так и не смог. Знаешь, это когда банки грабят, обычно в сообщника изнутри, из банка, стреляют, но аккуратно так, не смертельно... Вот и тут так. В общем, удалось ему выйти сухим из воды, есть у него в верхах покровители...

— А я ведь, Владимир Степанович, ещё из Душанбе писал о его художествах во все инстанции, во все силовые структуры... — сказал Алишер.

— Бог их знает, где они похоронены теперь... твои письма, такое было время... — покачал головой генерал. — А вот националисты ваши, все эти «растохезовцы-возрожденцы», прекрасно устроились в Москве. Журналисты вещают на все зарубежные каналы о том же: как подавили в республике борьбу за свободу и независимость. Да и в нашей прессе то и дело появляются очерки о героях-освободителях... Работать трудно, но чего-то уже можно добиться. Думаю, доберёмся мы и до твоего полковника. А сейчас такое тебе задание: ищи Эссу, входи с ним в контакт, соглашайся воевать в Чечне. Но будь осторожен. Я его знаю. Умён, образован, не боевик, хотя стрелять наверняка умеет. Скорее, мечтает стать если не президентом, то, по крайней

мере, не последним человеком в правительстве независимой Ичкерии. Дружит с нашими нефтяными магнатами, надеется на лакомый кусок в Чечне и уже сейчас готовит почву, работая с теми, кто тоже не прочь нагреть руки на этом деле. Но в Чечне пользуется непререкаемым авторитетом у боевиков. Он тебя и внедрит в одну из банд, может, и полковника твоего за хвост прищемим.

— Владимир Степанович, мне ещё только тридцать, — голос Алишера звучал глухо, — три войны за такое короткое время — не слишком ли?..

— Что поделаешь... Говорят, бог троичу любит. Родина в опасности, Алишер, это не лозунг и не просто красивые слова. Надо выстоять. На работу устраивайся — теперь на Черкизовский рынок. Ко мне не приходи. Там, на рынке, тебя найдёт связной. Смени облик: ну, побрейся, приоденься. Но сначала — неделька отдыха в нашем санатории. Там врачи хорошие. Пусть поработают и над твоим обонянием. Глядишь, придумают что... А так способность эта нужна, честно говоря... В нашей работе на пользу...

— Как собакам, что на таможне служат?.. — усмехнулся Алишер.

— Ну, не такое уж и обидное сравнение, скажу я тебе.

Алишер был тронут таким отношением. Не выдержал, спросил:

— Владимир Степанович, мы не виделись столько лет, почему вы мне доверяете? А вдруг я действительно кого-то убил, вдруг наркотой торгую...

— Объяснять не буду, но не усомнился, — твёрдо сказал генерал.

* * *

Телефоны, продиктованные Эссой, отпечатались в памяти Алишера намертво. Он позвонил по первому, и, если бы не предупреждение генерала, его очень бы удивил ответ: «Дочерняя компания «Газпрома» слушает...»

Попросил к телефону Мусаева. Вежливый женский голос сообщил, что тот в отъезде и когда появится — неизвестно. Что передать?

Алишер сообщил номер телефона, назвался. Попросил Эссу позвонить, когда тот придет. По второму номеру тоже ответила женщина, но голос был не офисный, домашний, а в ответ то же: уехал, когда вернётся — неизвестно, что передать?..

Алишер уже две недели работал на Черкизовском рынке. Работа знакомая — поддай-принеси, но бороду он сбрил, одевался прилично: джинсы, свитер.

Может, поэтому обратила на него внимание Соня — симпатичная молдаванка, торгующая обувью. Она так и норовила привлечь его внимание:

— Иди, красавчик, смотри, какие туфли привезли — самые модные, твой размерчик... И женскую обувь могу продать тебе без наценки! У тебя ж, небось, жена есть...

— Нет у меня жены, холостой я.

— А квартира есть? — любопытствовала Соня.

— И квартиры нет, у друга живу. Что, не подхожу такой?... — Алишер усмехнулся.

— Ой, не подходишь. Тут бы захудаленького какого, но с квартирой. Прописалась бы и ушла с этого рынка. Нашла бы себе работу правильную, а то ни на пенсию не заработаешь, ни на лечение. Всё — на дядю чужого. А я бы хотела... — засмушалась, порозовела щёчками. — Ну-ка, наклонись поближе, скажу тебе по секрету...

От услышанного Алишер изменился в лице. Потому что прошептала она следующее: «За тобой следят. Иногда парни в милицеейской форме, но это — не милиция. Скорее всего, проверяют, будь осторожнее», — и тут же засмеялась, поправляя выбившиеся из-под косынки волосы.

— Ну ты и озорница! — справился с собой Алишер. — Ладно, поищу тебе старичка. Только что ты с ним делать будешь?

— А тебя позову на помощь! — смеялась девушка, пока покупатель не одёрнул её:

— Девушка, вы, кажется, на работе! Потом будете шуры-муры крутить...

Проверка не заставила себя долго ждать. Буквально через пару дней к Алишеру подош-

ли двое в милицеейской форме и попросили предъявить документы.

— А в чём, собственно, дело? Я документы с собой не ношу.

— Зря не носите. Пройдёте с нами.

Алишер всё же засомневался — может, действительно милиция? Документы на рынке проверяли часто. Тем более что славянином он не выглядел в отличие от ментов. Явно чистокровные русские, продались, суки...

— Хорошо, — согласился Алишер, — пойдёте.

Но его повели не к выходу с рынка, а к какому-то подсобным помещениям.

Алишеру стало не по себе.

— Почему не в отделение? — спросил он конвоиров.

— Иди, меньше болтай, — ответили ему. — Вас всех по отделениям таскать замучаешься. Здесь поговорим.

Втолкнули в какой-то склад, длинный и тёмный. В конце помещения — лестница вниз, в подвал. Там — комната, в ней — стол, топчаны, посуда — чашки, чайники. Ещё одна дверь — на замке.

— Ты, сука, зачем Эссу ищешь? — злобно спросил один из конвоиров. — С террористами связан? Взрыв готовите?

Значит, всё же проверка. Голова у Алишера работала чётко: бить будут, но убивать не станут, не должно у них быть такого приказа. Ну, а раз знаешь, что будут бить, надо начинать первым. Алишер спружинился, задержал дыхание, крикнул:

— Я вас, ментов продажных, убивал и убивать буду! — и ударил сначала одного, затем — другого.

Последний закрутился по полу с диким криком. В ту же минуту в комнату ворвались два амбала азиатской внешности. Понимая, что этот бой ему не выиграть, Алишер продолжал драться. Мысль, что убивать не будут, придавала ему сил. Но сознание помутилось, всё поплыло. Пришёл в себя, когда его окатили холодной водой из ведра. Провёл по лицу ладонью — кровь. Пошевелил руками, ногами — вроде цел. Пошатываясь, поднялся.

Те двое выглядели не лучше. И столько злос-

ти было в их глазах, что Алишер даже усмехнулся, представив, как им хочется добить его. «Ментов» в комнате не было.

Дверь, на которой висел замок, оставалась запертой. Та, через которую они вошли, — приоткрыта.

— Иди, — сказал ему один из бандитов. — Где был — забудь.

Алишер кивнул, даже попытался улыбнуться, он тянул время, делая неловкие шаги, пошатываясь. Запах... запах пробивался через запертую дверь сквозь наполненные сгустками крови ноздри. Взрывчатка и что-то ещё... Возможно, наркотики. Но в этом он уверен не был.

На воздухе закружилась голова. Еле добрёл до Сонькиного тонара. Та охнула, воскликнула:

— Да кто же это тебя так?!

— Отморозки какие-то... Дай воды. Мне бы умыться.

— Сейчас, сейчас. У меня тут минералки почти полная бутылка. Давай полью. Вот так с нами, иностранцами! — громко причитала девушка. — Как же, они тут хозяева, а мы кто?

Соня вышла из-за прилавка, стала лить ему в ладони воду, протирала лицо чистым платком. Он тихонько рассказывал ей, где находится подвал и что в нём, видимо за закрытой дверью, хранится взрывчатка.

Затем Алишер поблагодарил за помощь, пошёл.

Соня кричала вслед:

— Перекись водорода возьми в аптеке! Обработай всё лицо!

На следующий день на работу Алишер не пошёл.

А вечером позвонил Эсса.

— Привет, братан! Вот вернулся из деловой поездки, а тут, говорят, ты меня разыскиваешь. Как дела?

— По телефону что скажешь? Спасибо, хорошо.

— И то верно. Давай завтра в кафе посидим.

— Понимаешь, физиономию мне подпортили, на люди показываться неловко.

— Ничего, у меня есть укромное местечко. За

тобой на машине мой человек приедет. Говори адрес, назначай время.

Машина довезла Алишера до кафе «Кавказское небо». Едва он вошёл, официант подлетел к нему, глянул, как сфотографировал, и вежливо пригласил пройти за ним.

В отдельном кабинете за накрытым столом сидел Эсса. Встал, обнял.

— Эк тебя, однако, разукрасили...

— Ничего, я тоже в долгу не остался, — криво улыбнулся Алишер.

— Ещё бы! Покалечил двух моих парней.

— Значит, всё-таки твоих?

— А ты, хочешь сказать, не понял? — спросил Эсса.

— Откуда? Потом, правда, такая мысль меня посетила, когда отпустили живым.

— Эти двое... Их, кстати, уже нет в живых, так что считай себя отомщённым.

— Месть — не моя стезя, я тебе уже говорил, — напомнил Алишер. — Мне бы заработать да от ментов уйти за старые дела. А что случилось, если не секрет, с этими амбалами? Парни крепкие...

Эсса, чуть помолчав, тщательно подбирал слова:

— Да понимаешь... в подвале, где ты побывал, кое-что припрятано было. Кроме этих двоих об этом никто не знал. Кто продался — некогда было разбираться... убрали обоих. У нас с этим круто, братан. Это я тебе на всякий случай. Что проверку устроил — обиды не держи. В СИЗО ведь и подсадные утки залегают... Теперь по делу. Завтра перекинем тебя в Чечню, провернёшь одну операцию. Там у нас в горах небольшая разведгруппа. Всего три человека: чеченец Асланбек — толковый парень, уже показал себя в бою, турок — наёмник, понятно, русский плохо знает, и дагестанец, этот — воин. Вот такой интернационал. Их задача — вести переговоры с полковником, который командует милицейской ротой. Он однажды уже работал с нами, сдал подчинённых и оружие, его слегка подранили — чтобы сухим из воды выйти смог. Понятно, не бесплатно. Но сейчас он за такую же услугу потребовал миллион долларов. Это

уже слишком. Когда человек начинает жадничать, это плохо. Смерть свою чувствует. И правильно делает... Миллион я отправлю с тобой. Деньги фальшивые. Говорю это, во-первых, для того, чтобы не возник соблазн сбежать с деньгами, а во-вторых, когда полковник сдаст своих, подведя их под видом зачистки под нашу засаду, мы его уберём. Больше он нам не понадобится. В третий раз эта фишка уже не сработает. Так что фальшивые — не фальшивые, он об этом не узнает. Что же касается его подчинённых, их лучше брать в плен — обменяем на наших. Но, конечно, бой есть бой, убитые тоже будут. Вот тебе настоящая проверка. И доллары за работу ты тоже получишь настоящие. Задача ясна? — Эсса долго, внимательно посмотрел Алишеру в глаза. — Теперь так. Сейчас отвезём тебя домой, к Коле твоему. Хату мы проверили, она чистая. Из квартиры не выходишь, никому не звонишь. Приедет за тобой тот же человек, что и сегодня. Вопросы будут?

— Никак нет, — по-военному ответил Алишер, вставая из-за стола.

* * *

Вечером Алишер сказал Коле и Зое, что вынужден уехать. На сколько — пока не знает. Вообще, в последнее время Николай относился к Алишеру как-то настороженно, как будто подозревал в чём-то. Его отлучки, ничем не объяснимые, звонки какому-то Эссе, о котором ничего не рассказывал, работа какая-то без документов... В голову поневоле закрадывалась мысль — а тот ли это Алишер, с которым он воевал когда-то в Афганистане?

— Куда едешь? — спросил Николай.

— В Чечню, — ответил Алишер.

Повисла долгая пауза.

Чтобы разрядить обстановку, Зоя поставила на стол бутылку, собрала закуску:

— Ну что ж, проводим тебя по-человечески.

Алишер решил объясниться, тем более что выхода у него не было. Но как сказать, чтобы поверили, но лишнего не выдать?!

— Ребята! Вы должны помочь мне... — сами вырвались слова.

— Должны? — усмехнулся Николай.

— Подожди, Коля! Прошу, не торопи события. — Алишер отчаянно сдерживал друга, чтобы не допустить ссоры. — Я не хотел вас втягивать, но деваться некуда — не обо мне и не о моей жизни пойдёт речь.

Алишер рассказал о полковнике, который готов в очередной раз сдать своих подчинённых и продать оружие за миллион долларов, но его можно остановить.

Алишер попросил у Зои помощи. Сказал, что ей нужно найти на Черкизовском рынке молдаванку Соню, которая торгует обувью. Он подробно описал и место, и тонар, и девушку. Научил, как действовать осторожно:

— Ходи по рынку, говори, что ищешь работу продавца. Для убедительности показывай свои израненные руки — мол, торговала рыбой, да больше не можешь. А потом скажи Соне: Алишер просил передать... Кому передать — она знает. Мне же до того, как за мной приедут, ни звонить, ни выходить не велено, — признался Алишер, чувствуя за собой вину перед хозяевами. — Простите, ребята, что так получилось, но больше мне положиться не на кого.

Коля как будто обмяк, освободившись от подозрений, сказал негромко:

— Это ты прости меня, братан. А то какие только мысли не лезли в голову...

* * *

Полковник собирался в Чечню. Прошлой командировкой он доволен не был. Заплатили, по его мнению, мало, а деньги были нужны: квартиру он смог купить только маленькую, однокомнатную, у чёрта на куличках. Хотелось бы поменять, но цены...

Конечно, Пётр Денисович предполагал, что большая часть гонорара осела в кармане его родственника-благодетеля. Непотопляемый мужик! И Союз распался, и в России власть из рук в руки переходит, а этот при всех устоял, даже укрепился, разбогател, как по мановению волшебной палочки. И везде свои люди — в милиции, в армии. Через армейских дружков, тех, что в министерстве сидят, идёт ору-

жейный транзит, совершаются сделки. Но ему, полковнику, обидно. Каким бы лёгким не было ранение, но ведь пришлось и в госпитале повалиться... Хотя теперь обещают прямо-таки золотые горы за такую же операцию, но даже без ранения. И ещё обещают, что это последнее дело, после которого они вместе с родственником уедут за границу. С хорошими деньгами.

А ведь полковник боялся, что родственник с ним вообще никаких дел больше иметь не будет. И причина на то была. Распарились они однажды в баньке, выпили крепко, расслабились, и Пётр Денисович всё, что держал в себе, враз и выплеснул. Захотелось душу облегчить. Кому же как не брату?.. И про старушек, что приходят по ночам свои квартиры требовать, и что жена — инопланетянка, и даже что-то про некрофилию, дурак, нёс.

Брат слушал внимательно, правда, смотрел как-то странно, но наутро, когда проспались и опохмелились холодным пивком, посадил его напротив себя там же, в баре при бане, отослал прислугу и сказал:

— Петя, ты вчера какую-то ересь городил. Я забыл, правда, что именно. Помню только, что жена у тебя инопланетянка. Так бабы... Ха-ха-ха! — залился он весёлым смехом. — Они же все инопланетянки. Только мужики об этом не рассказывают. Понял?

Пётр Денисович послушно кивал, а брат уже перевёл разговор на новую командировку, на большие деньги и на прочие блага. На том и расстались.

А вечером, встретившись с Эссой, покровитель и родственник сказал:

— Полковник не должен вернуться из Чечни. У него совсем крышу снесло. Операции это не помешает, но здесь он может быть опасен.

— Он не вернётся, — успокоил Эсса. — Я уже отдал нужные распоряжения.

— Погоди! Есть ещё одно условие. Нельзя, чтоб его просто ликвидировали. Он должен геройски погибнуть в бою. Не забывай: он мой родственник, если что — мне это тоже аукнется.

— Геройски так геройски, — легко согласился Эсса.

Полковника приговорили дважды. О третьем охотнике на полковника, отслеживающего его звериными тропами, никто не знал. И уж о чём никто не догадывался — так это о том, что смерть выберет свою дорогу...

* * *

Курбанали выздоравливал долго и тяжело. Ему повезло, что ещё не уехал в Израиль один из лучших нейрохирургов страны — профессор Марк Соломонович. Несколько сложных операций спасли Курбанали жизнь, но после ранения и комы нужна была длительная реабилитация.

Комиссовали его с почестями: всё-таки пострадал от «бандитской» пули при исполнении служебных обязанностей. Пока лечился и восстанавливался, насколько возможно, к власти пришли его земляки — кулябцы. Со многими, занявшими ключевые посты в правительстве, Курбанали был в родственных отношениях, потому и к нему отношение было соответственное.

Лечили его серьёзно, консультировал в числе других специалистов и врач-психиатр. И если другим врачам Курбанали правдиво отвечал на все вопросы о состоянии своего здоровья, то с психиатром лукавил, тем более что доктор был молод и не очень опытен.

На вопрос психиатра, что первое ему вспомнилось, когда вернулась память, отвечал: мама, жена, дети. А о трагедии он как бы совсем забыл, и о том стрелявшем наркомане тоже. На самом деле даже в забытии вспоминалось Курбанали мгновение — лицом к лицу с майором, глаза в глаза. Это воспоминание стало навязчивым. Одно желание, одна страсть теперь давали ему силы выжить — найти майора и покончить с ним.

Курбанали всегда считал себя умнее и хитрее Петра Денисовича, и то, что в кресле начальника сидел майор, а не он, считал несправедливым. Таджик вынашивал планы, как покончить с русским, как забрать все деньги себе, а в итоге получилось наоборот. Выходит,

майор и умнее, и хитрее? Чем согласиться с этим — лучше умереть. Но умирать Курбанали не собирался, он собирался мстить.

Российское гражданство Курбанали приобрёл, как и многие таджики, за деньги. А деньги у него были. Не столько, конечно, как у майора, но были. Кое-какие сделки с квартирами прошли мимо начальника, так что ехать в Россию, чтобы найти майора, было на что. А вот чёткого плана со своей больной головой он никак не мог придумать. Понятно, что он майора убьёт. Но самое главное — глаза в глаза, как тогда, в подвале, только оружие теперь будет в руках Курбанали. Начинать надо было с поисков. А где искать? Он лишь знал, что Пётр Денисович Иванов уехал в Москву и там у него серьёзный покровитель, имени которого он никогда не называл.

Курбанали не спешил. Мучали судороги, преследовали сильные головные боли и внезапные кратковременные обмороки. Подорванное опасным ранением здоровье могло подвести в самый неподходящий момент и помешать воздать бывшему начальнику по заслугам. Тогда Курбанали сам придумал себе лекарство: стал надолго уезжать в гости к родственникам, в горы, а там помногу гулял, вдыхая целебный горный воздух, занимался физическим трудом, с удовольствием чувствуя, как наливаются силой мышцы, одрябшие за многие месяцы, проведённые на больничных койках. Но прошло ещё много времени, пока он, наконец, почувствовал, что готов к путешествию.

Прибыв в столицу, Курбанали первым делом отправился в ГУВД. Предъявил служебное удостоверение, которое ему оставили, как и табельный пистолет, пришёл в отдел кадров с просьбой помочь найти друга и бывшего начальника. Кадровик внимательно ознакомился с документами: чем-то настораживал его этот странный нерусский человек с вывернутым веком вместо глаза. В ГУВД знали: Иванов здесь уже несколько лет, мог бы сам сообщить о себе старому другу. Если бы захотел, конечно...

Тем не менее кое-какие сведения кадровик Курбанали сообщил. Во-первых, что Иванов теперь полковник. При этих словах у Курбанали задёргалось веко на здоровом глазу. А во-вторых, кадровик сказал, сейчас Иванов находится в длительной командировке в Чечне. На просьбу сообщить домашний адрес и телефон полковника, а также адрес его семьи, если они живут не вместе, кадровик ответил отказом:

— Таких сведений не даём.

Ну что же, в Чечне так в Чечне. Значит, надо ехать в Чечню. Но и там полковника найти будет нелегко — Курбанали понимал это. Для себя он решил, что ему надо прибиться к какому-нибудь полковому командиру. Боевики очень пристально следят за своими противниками, через них и до полковника добаться будет легче. Только бандитов найти тоже непросто. Надо пробираться в горы — туда, где находятся их базы.

И Курбанали ездил по странным, ничем не объяснимым маршрутам, надеясь на удачу, на случай, — из одного городка в другой, из аула в аул. Ночевал где придётся, даже во двор его пускали редко: женщины пугались одноглазого незнакомца. Он одичал, пообносился, но одержимость выполнить волю Аллаха — теперь именно так называл он жажду убийства — словно придавала ему силы, и Курбанали шёл дальше.

Не Аллах, а злой дух вёл его по неведомым тропам, но нигде не мог он найти бандитов, которыми, если верить сообщениям, местные горы так и кишели. И неизвестно, сколько бы он ещё так скитался, если бы в одном небольшом ауле не пришла ему в голову страшная мысль.

Это случилось на маленьком базарчике, всего в два дощатых прилавка, где женщины торговали тем, что созрело в эту пору на огородах, домашним сыром, молоком. Чуть поодаль, у пивного ларька, не спеша потягивая из кружек пенный напиток, стояли два милиционера: один совсем молоденький парень, другой — постарше. «Надо сделать так, чтобы бандиты сами меня нашли, — пришло вдруг в голову

голову Курбанали. — Надо, чтобы они про меня слышали. Как? А вот так...»

Будто в полусне Курбанали нащупал под рубашкой за поясом рукоятку пистолета, подошёл к милиционерам вплотную и выстрелил сначала в одного, потом в другого. Это было настолько неожиданно, что, когда стрелявший побежал по дороге, ведущей неизвестно куда, никто не бросился в погоню. Только женщины заголосили и бросились в разные стороны...

Дорога привела к реке, и Курбанали, не раздумывая, бросился в воду. Несмотря на тёплый осенний день, она, как всегда в горных реках, была ледяной. Когда он выбрался на противоположный берег, понял, что течение отнесло его довольно далеко. Жилых строений видно не было, зато густые заросли не то шиповника, не то барбариса давали надежду укрыться от людских глаз. Первым делом проверил рюкзак: деньги и документы в целлофановом пакете были сухими. Милицейское и пенсионное удостоверения он выбросил в воду, оставив себе только паспорт. Разделся, прислонился к тёплому, согретому солнцем валуну, пытаясь унять дрожь. Затем отжал одежду, оделся и пошёл в гущу зарослей, поднимаясь всё выше и выше в горы. Шёл больше суток, не чувствуя ни времени, ни усталости.

Как и рассчитывал, бандитов Курбанали искать не пришлось — они нашли его сами. Ничего не спрашивая, огрели по голове прикладом автомата, связали руки и погнали впереди себя. У Курбанали перед его единственным глазомплыли то красные, то чёрные круги, он почти ничего не видел.

Когда привели на место, один из бандитов доложил командиру:

— Вот, ошивался поблизости. Кто такой, не знаем... Сперва хотели расстрелять, потом решили привести сюда. Может, подосланный?

Командир ответил:

— Правильно. Расстрелять всегда успеем, — и, обращаясь к пленнику, спросил: — Кто такой, откуда шёл, куда?

Курбанали стоял, пошатываясь, голова кру-

жилась, но видел он теперь ясно. С трудом заговорил:

— Я убил двух милиционеров, поэтому убежал оттуда...

— Откуда именно?

— Не знаю, как посёлок называется. Шёл куда глаза глядят. Вас искал. Воевать хочу, ментов убивать.

— Чем тебе менты не угодили?

Курбанали промолчал, тяжело дыша. Командир презрительно скривил губы:

— Что, не успел придумать? В расход его!

— погоди, Рахматулло. — Высокий худой боевик подошёл к командиру. — Наш человек слышал, что на базаре в Янды какой-то одноглазый среди белого дня расстрелял двух милиционеров, когда они пили пиво. Вряд ли в горах так много одноглазых...

— Твоя работа? — командир поглядел на Курбанали внимательнее.

Тот утвердительно мотнул головой.

— А почему ты их убил?

— Я приехал в Чечню, чтобы убить одного русского полковника. Но теперь, думаю, буду убивать всех русских милиционеров.

Командир и длинный переглянулись, один пожал плечами, другой покрутил пальцем у виска.

— А может, ты вправду чокнутый? — спросил боевик.

Курбанали задумался, ответ его был неожиданным:

— Раньше не был, а теперь не знаю. Может, и чокнутый. Но вам вреда не причиню, буду помогать.

— А что это за полковник, за которым ты охотишься?

— Из Москвы. Он здесь в командировке. Иванов фамилия.

И опять командир с боевиком переглянулись, только теперь уже более многозначительно.

— Слышали мы о таком полковнике. Но тебе не повезло. Он со своими ментами в засаду попал. Сам, правда, жив остался, но ранен, теперь в Москве в госпитале лечится.

— Это хорошо, что жив остался. Это он меня ждёт... Тогда я в Москву поеду. Один день у

вас отдохну и поеду. Потом вернусь — помогать буду. Я и с одним глазом стреляю как снайпер...

Неизвестно, поверили Курбанали бандиты или нет, но не тронули, только вывернули рюкзак, забрали почти всю наличность и отпустили. Ехать в столицу без денег было рискованно, однако он уже не мог остановиться.

В Москве Курбанали в госпиталь не пустили. На проходной за стеклянным окошком сидел сержант. Спросил, кого посетитель хочет навестить, попросил предъявить паспорт. С паспортом Курбанали повременил, а имя полковника назвал.

— К нему не положено! — как отрезал сержант.

— Почему? Он что, в очень тяжёлом состоянии?

— Не положено, — повторил сержант и захлопнул окошко перед носом Курбанали.

Пришлось уйти. Но это «не положено» навело на размышления. «Скорее всего, ведётся следствие, — подумал Курбанали. — Кто-то в плену, кто-то убит, а он — ранен... Тут что-то нечисто. Но выкрутится, собака... И это тоже хорошо. В тюрьме человека достать трудно, особенно здесь, в России».

Вдруг в толпе, на автобусной остановке Курбанали увидел знакомое лицо. Да это же Ирина, дочь полковника! Наверное, идёт навестить папочку.

Курбанали последовал за ней. Шёл не таясь. Даже если оглянется, ни за что его не узнает. Девушка действительно направилась в госпиталь, о чём-то долго говорила с сержантом — видимо, просила пропустить к отцу, но тот качал головой: нет. «Значит, мои подозрения верны», — подумал Курбанали. Передачу сержант принял, и девушка направилась к автобусной остановке. Курбанали сел в тот же автобус и вышел там же, где она — у Курского вокзала. Но в метро Ирина заходить не стала, пошла к стоянке междугородных автобусов. Села в автобус, следующий во Владимир. Курбанали сделал то же самое... Так он и проводил её до самого дома, расположенного в городке под названием Лакинск.

Небольшой домик, за забором — вишнёвые деревья, несколько грядок. Едва Ирина открыла калитку, из дома, смешно переваливаясь, выбежал мальчик лет трёх-четырёх и с радостным криком «мама, мама!» бросился к ней.

«Вот оно что! — удивился Курбанали. — Значит, Ира вышла замуж и у неё уже такой большой сын!»

И тут он вспомнил, что, когда сам уезжал, его младшая дочь на сносях была. А теперь Курбанали даже не знал, кого она родила. Семья, жена, дети — всё осталось в другой жизни — в той, когда он ещё не был изувечен и носил офицерские погоны. За время своего бродяжничества он ни разу не позвонил своим близким. По крайней мере, в Душанбе он всем им «купил» квартиры, вот и пусть живут...

А ещё ему стало обидно: жена не родила ему ни одного сына. У старшей дочери тоже две девчонки. И младшая, небось, в ту же породу — опять внучку ему добавила. Выходит, и здесь полковник его превзошёл.

Ну ничего, ничего... Курбанали дожждётся своего часа. А пока его бывший начальник лечится, надо слетать в Душанбе: без денег здесь делать нечего...

Когда Курбанали вернулся домой, в Таджикистан, женщины, собравшиеся в его доме, были как на похоронах. Оказывается, на него уже и в розыск подавали — ведь говорил, что уезжает ненадолго... Зато порадовала младшая дочь — родила сына, которого назвали в его честь — Курбаном.

Отогревшись душой в семье, Курбанали почти не отходил от маленького внука, нянчил его, убаюкивал на ночь. Именно этот малыш вдруг стал для него самым близким, соединив тонкой нитью его сегодняшнюю и прошлую жизни.

Однако главным всё же оставалось его дело: убить полковника и увидеть его глаза. Только вот беда: у самого отчего-то именно здесь, в спокойной домашней обстановке, воспалился и стал слезиться единственный глаз, да так, что он иногда с трудом различал предме-

ты. С таким зрением не выполнить волю Аллаха. На секунду в больной голове Курбанали промелькнула мысль: а может, Аллаху угодно, чтобы я остался дома и растил внука? Но он сразу отогнал её, даже затряс головой — нет, нет, нет...

Пришлось лечь в госпиталь. Жизнь опять провела параллель между ним и полковником. В госпитале при обследовании у Курбанали нашли опухоль мозга, но в онкоцентр, куда его направили, он не пошёл. Сказал близким, что врачи посоветовали ехать в Москву.

Прощаясь, взял маленького внука на руки, прижал к груди. И в этот момент у него в голове сформировалась новая очень удачная мысль: у полковника тоже внук, он так же его любит. Полковника можно наказать куда страшнее, чем замышлялось раньше... Но надо торопиться. Вдруг Иванова посадили или ещё что с ним случилось?..

Прибыв в Москву, Курбанали узнал, что Пётр Денисович Иванов не только жив-здоров, но и опять в командировке в Чечне. Значит, надо выкрасть мальчишку и пробираться с ним в Чечню. Опухоль в голове — не шутка. Можно и опоздать.

И он опоздает, правда, совсем по другой причине...

* * *

Алишер ещё раз постучал в дверь сакли. На этот раз послышалось какое-то движение, кто-то тихонько приблизился к двери. Затем она слегка приоткрылась.

Алишер почувствовал запах одиночества и горя. Как можно мягче сказал:

— Мать, впустите нас. Со мной ребёнок и раненый, мы не причиним вам зла...

Дверь широко распахнулась:

— Подождите, я зажгу свет.

Когда они вошли внутрь, хозяйка обратилась к Алишеру.

— Сынок, я уже давно ничего не боюсь, мне нечего терять в этой жизни... Другое дело, что я никого не хочу видеть... Но ребёнка и ране-

ного на улице не оставлю. А ты сам уйдёшь? Надолго ли?

— Нет, мать, ненадолго. Приду и заберу их через несколько часов.

Алишер достал из рюкзака кое-какую провизию: хлеб, консервы, сахар. Брал на всякий случай, но мальчик есть не просил, а самому ему тоже не хотелось.

— Вот, может быть, приготовите что-нибудь? Мальчик, наверное, голодный...

— Почему ты называешь его мальчик? Не знаешь имени?

— Нет, мать, не знаю... Так уж получилось. На обратном пути, бог даст, объясню.

Теперь, без мальчика, Алишер шагал быстро. Он торопился, но всё же часто осматривал окрестности, прислушивался к шорохам, принохивался к запахам.

Где-то след в след идёт Курбанали. Но он не выстрелит, пока Алишер не приведёт его к полковнику.

Вот оно, место встречи, которое изменить нельзя.

Полковник на милицейской машине уже ждёт его. Кажется, как и обещал, один. Зачем ему засвечивать свой миллион?

Они начали сближаться, как вдруг откуда-то со стороны прозвучал выстрел. Было понятно: стрелявший целился в Алишера, но промахнулся, одноглазый шайтан. Алишер ответил автоматной очередью.

И тут на дорогу, испуганный выстрелами, выскочил огромный дикий кабан — секач. Остановился, словно Буриданов осёл, примеряясь, кто ближе — полковник или Алишер. Кинулся в сторону полковника.

Долго ещё останется загадкой для Алишера, почему полковник, который мог бы успеть запрыгнуть в машину, не сдвинулся с места. Зверь буквально насадил его на клыки, проповорот живот. Алишер выстрелил в воздух, кабан бросил свою жертву, но на Алишера внимания не обратил, убежал в заросли.

Алишер подошёл к полковнику. Тот был жив, хотя из разодранного живота вываливались внутренности. Помочь ему, похоже, уже никто не смог бы, счёт шёл на минуты. Али-

шер увидел в глазах полковника узнавание, раненый силился что-то сказать. Наклонившись, Алишер пытался разобрать отрывочные фразы:

— Люсе... скажи... что любил её. Внук мой... где?

Алишер ответил:

— С ним всё в порядке, он жив.

— Твой сын, — еле слышно шепнул умирающий полковник, — твой... Алишером зовут. Пусть простят меня все. Бог наказал... Цыганка правду говорила... про свинью... — Взгляд полковника остекленел.

Алишер опустил веки Петра Денисовича, затем достал рацию, позвонил его заместителю, сказал, где находится полковник, но объяснить ничего не стал.

На обратном пути Алишер думал о странных словах полковника. Ну, цыганка, свинья — это всё понятно — бред. А то, что сказал до этого? Неужели такое возможно? Неужели Ирочка, после того единственного раза, когда он так её обидел, забеременела и родила сына?..

Вот и знакомая сакля. Женщина открыла сразу, едва Алишер постучал:

— Заходи, сынок. Мы чай пьём, беседуем.

— Скажите, а мальчик... он разговаривает? — с порога спросил Алишер.

— Очень хорошо разговаривает, — хозяйка как будто удивилась такому вопросу.

— Имя своё сказал?

— Сказал. Алишером его зовут, как и тебя.

— Ну, здравствуй, честная компания, — подойдя к столу, Алишер протянул руку к голове мальчика — хотел погладить, но тот испуганно увернулся.

— Можно нам сегодня переночевать у вас? — спросил Алишер. — Мы с Димой... Тебя же Димой зовут? — вопросительно взглянул на попутчика, тот кивнул в ответ. — Так вот мы с Димой во дворе можем устроиться, а ребёнку хорошо бы в доме.

— Оставайтесь, — согласилась женщина и добавила: — Странная вы компания. Даже имён друг друга не знаете.

— Да так уж случилось, — Алишер улыбнулся. — И вашего тоже не знаем.

— Фатима меня зовут, — сказала хозяйка, — но мне нравится, что ты называешь меня матерью.

— Спасибо, мать.

Отогревшись чаем, Алишер решил побольше узнать о Фатиме. Может, привычно проснулась в нём журналистская жилка?

— А почему вы живёте в одиночестве и никого не хотите видеть? У вас что, нет семьи?

— Был у меня муж, работал в милиции. Его взорвали вместе с машиной за то, что работал в милиции... Был сын, ушёл к боевикам, которые взорвали его отца. Воюет ли, убили ли — не знаю и знать не хочу. Была дочь, с ней произошло страшное...

— Что, тоже убили?..

— Нет, хуже. Наслушавшись брата, ушла в школу шахидов. Есть у нас, сынок, такая. Я долго добиралась туда, пришла, даже получила разрешение встретиться с дочерью. Но это была не моя Лейла, не мой нежный цветок. В её глазах была непроглядная тьма, ночь. Я оплакиваю и своего мужа, и свою дочь, и свою жизнь... Разве мы плохо жили? Соседи у нас всегда были русские, мы никогда не ссорились, вместе хлеб, горести и радости делили...

Фатима и сейчас потихоньку утирала слёзы. Чтобы перевести разговор на другую тему, Алишер повернулся к притихшему мальчику:

— Ты не бойся меня, малыш. Мы ведь с тобой тёзки, меня тоже Алишер зовут. Я знаю твою маму Иру, бабушку Люсю. Совсем скоро мы к ним поедem.

— Это правда? — ребёнок с надеждой взглянул на мужчину.

— Правда, малыш. Так что будем друзьями, лады? — Он протянул мальчику ладонь.

Маленький Алишер, поколебавшись, в ответ подал свою ладошку.

— А папа у тебя кто? — рискнул спросить Алишер.

Мальчик пожал плечами:

— Я его не видел. Он нас не любит.

— Это тебе мама так сказала?

Малыш мотнул головой:

— Нет, мама говорит, что он хороший. Но ведь, когда любят, живут вместе или в гости приходят, правда?

— Правда, Алик, — с нежностью улыбнулся Алишер. — Тебя ведь дома так зовут? Но, может быть, у твоего папы так сложилась жизнь, что он не мог к вам приехать. Мы потом разберёмся с этим, ладно?

Мальчик кивнул и тоже улыбнулся в ответ.

* * *

Калитку им открыла Люся. Ахнула, обняла внука, кажется, не очень удивилась, что он нашёлся и привёл его именно Алишер. Сказала:

— Подождите, я подготовлю Иришку. А то, боюсь, в обморок упадёт. Извелась совсем, на себя не похожа.

Когда они вышли из дома, мать придерживала дочку за плечи. Бедная девочка! Исхудала, прозрачная. Плохо понимая, что происходит, Ира то плакала, то смеялась, обнимая и целуя сына.

А Люся повторяла:

— Я же тебе говорила, что найдёт его и приведёт отец. Вот, пожалуйста. У меня и карты так сошлись...

Через пару часов эмоции немного улеглись, и все сели за стол обедать.

Ира спросила, глядя на Алишера-старшего: — А про папу ничего не известно?

— Должен огорчить... Пётр Денисович погиб в Чечне, — помолчав, Алишер добавил: — героически... Так случилось, что я был рядом. Он просил передать, что очень любил вас обеих. А ещё просил у вас прощения, если что не так.

— А кто его похоронил?.. Где?.. — Слез в глазах Люси не было, но она как-то потемнела лицом.

— Об этом позаботился его двоюродный брат. Вас не стали беспокоить — знали, что пропал ребёнок и горя вам хватает. Я отвезу вас потом на его могилу.

Спустя несколько дней засобирались в дорогу. Нет, не в Чечню. В Нижний Новгород, к маме Алишера, — пришло время познакомиться её с внуком.

Людмила Дмитриевна БАСОВА —

писатель, журналист, переводчик, киносценарист.

Родилась в Душанбе.

Читателям известна по книгам:

«Про кино и про любовь» (1986), «Зойка и пакетик» (1988),

«Каинова печать» (2006), «Предтеча любви» (2013).

Автор более десятка сценариев документальных фильмов.

Лауреат всероссийских кинематографических и журналистских конкурсов.

Перевела на русский язык произведения

многих таджикских прозаиков.

Лауреат премии журнала «Север» в номинации «Проза».

Член Союза писателей России.

С 1994 года живет во Владимире.

